

18+

Анна Грэм

Зверь

Анна Грэм

Зверь

«Автор»

2017

Грэм А.

Зверь / А. Грэм — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-07804-8

Эллен Барр ищет пропавшего брата, и поиски приводят её в рабочий городок на границе с Канадой. Здесь не любят чужих, не ловит сотовая связь и электричество подаётся с перебоями. Здесь главенствует жестокая легенда о Звере и все местные порядки подчинены страху смерти. Здесь всё имеет двойное дно и знание правды слишком дорого стоит. Но здесь есть Адам Бишоп, молодой механик, в которого Эллен влюбляется без памяти, но и он оказывается не тем, за кого выдаёт себя.

ISBN 978-5-532-07804-8

© Грэм А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анна Грэм

Зверь

Пролог

– Невозможно.

Эллен почти бежала, стараясь не замечать крошечной темноты вокруг. Сердце бешено стучало в висках, и далекие огни казарменных окон казались ей спасительным маяком. Вся база погрузилась в ночь, словно в жидкий мазут, и каблучки вязли в густой тьме, заставляя в отчаянии хвататься руками за воздух, лишь бы не упасть.

Мокрой от пота спиной она ощущала чужой взгляд, а сплошная стена леса, окружавшая Форт-Келли с трех сторон, казалось, движется на неё, вызывая приступ панической атаки. Страх сжимался удавкой вокруг шеи, когда она неслась по длинной кишке прохода между шеренгами складов и грузовых вагонов, заполненных лесом. Их железные скелеты подсвечивал лишь слабый отблеск луны.

– Невозможно. Это бред.

Эллен пыталась уговорить себя, но выходило из рук вон плохо. Она не могла остановить поток мыслей, которые обрушились ей на голову волной цунами в десять баллов. Догадки, одна нелепее другой, паразитом въедались в разум, отравляли привычную картину мира, основанную на логике и фактах. Зверь. Эллен была готова сдать психиатру сразу, как вырвется из этой проклятой глуши. Если вырвется.

Ночью здесь экономили свет, фонарь горел лишь на КПП в будке охраны, и Эллен удалялась от него всё дальше и дальше, ныряя в вязкую темноту, словно в море. Споткнувшись на ровной дороге, она проехала на коленях по острым сколам гравия и потревожила отбитые накануне в синеву пальцы на ногах.

– Чёрт!

Эллен сжала зубы, чтобы не закричать от боли. Она готова была продолжать двигаться даже на четвереньках, лишь бы скорее покинуть открытую площадку комбината и оказаться рядом с жилыми блоками.

Преодолевая боль, она влетела по лестнице на второй этаж и трясущимися руками воткнула ключ в замок, подсвечивая бесполезным телефоном. Ни связи, ни сети, ни электричества – где-то снова произошёл обрыв. Эллен нащупала простую стеклянную банку со свечой и зажигалку: эти вещи она по совету фельдшера всегда держала под рукой. Дрожащий огонёк осветил комнату, и Эллен торопливо зажгла ещё три свечи, которые накануне расставила по углам. Она плотно захлопнула ставню, занавесила окно и закрыла дверь на замок. Где-то в глубине сознания Эллен понимала, что его это не остановит, но эти простые действия создавали призрачное ощущение безопасности.

Ноутбук был полностью заряжен, и она торопливо защёлкала мышкой. За интернет Эллен готова была продать душу, но пустой треугольник внизу монитора продолжал мигать в безуспешных поисках сети. Ей ничего не оставалось, кроме как найти сохраненную копию материалов, которые прислал ей Фрэнк Делино.

То, что она прочла, не хотело укладываться у неё в голове. Наверняка Делино продал душу дьяволу, чтобы достать эти архивы. Сканы протоколов исследований, проходивших на Форт-Келли, больше походили на бред сумасшедшего или огрызок сценария дешёвого триллера, если бы не были привязаны к реально существовавшей в пятидесятых годах прошлого века военной базе. Даты, подписи и гриф «секретно» не позволяли сомневаться в подлинности документа. «Проект „Зверь“, условное наименование испытуемого субъекта идентично» –

сухие строчки протокола перемежались карандашными набросками дневника одного из лаборантов, которые детектив Дэлино соотнёс друг с другом по времени написания. «... то существо действительно меняет форму под воздействием фактора стресса, при этом испытывая адские боли... я слышал хруст костей... я видел своими глазами, как человеческая кожа словно выворачивается наизнанку... Природа этого процесса неизвестна нам».

Эллен торопливо пробежалась по строчкам и вздрогнула. Разум отказывался принимать это за истину, но сходство было слишком очевидно. Она вспомнила легенду индейцев Навахо, которую ей рассказал этот чокнутый шериф Нильсен. Теперь он казался не намного безумнее, чем она сама, ведь Эллен почти поверила в реальность происходящего.

Ночи здесь были хуже пыток: долгие, тёмные, тягучие, когда от бессонницы трещала голова, а от густой тишины закладывало уши. В шумном мегаполисе с постоянным доступом к благам цивилизации, с бесперебойной связью, яркими вывесками и круглосуточными моллами одиночество ощущалось не так остро, как здесь, в тихом посёлке на два десятка домов.

Лишь он один спасал её от этой тишины, от той пустоты, которая расплзлась в её душе после исчезновения брата, как-то легко и просто поселившись в её сердце, покрытом коростой цинизма и скепсиса. Близость их душ была невероятной – казалось, она знает его долгие годы. Адам Бишоп проник в каждую клеточку её тела и растворился, словно вирус, от которого нет и никогда не будет вакцины. Эллен думала, что впервые влюбилась – безотчетно, стремительно, глупо, как девчонка-школьница, – но теперь она боялась его до смерти. Единственное, чего она хотела прямо сейчас – это выбраться отсюда.

Пять недель назад.

Эллен Барр перебирала листы толстенной папки, не понимая ни слова из того, что было написано там. Она не слышала, что говорит ей адвокат. Разум отказывался обрабатывать звуки, они превращались в фоновый шум и смешивались с гулом утреннего города за окном.

Эллен редко бывала дома, но мысль, что где-то у неё есть тихая гавань и люди, которые всегда ждут её, грела душу в постоянных разъездах по миру. Почти семь лет бесконечных командировок. Эллен сама выбрала такую жизнь – вечное горе и ожидание новостей, вьёвше-еся в стены её дома, словно плесень, угнетало, ровно как и постоянные дожди с туманами. Её брат пропал без вести семь лет назад и все эти семь лет родители жили поисками. Полиция давно поставила в этом деле жирную точку, но они не теряли надежды. Любые обрывки слухов, любую скудную информацию и откровенно нежизнеспособные теории они складывали в папку, которую Эллен теперь беспомощно вертела в руках. «Натаниэль Барр» – надпись простой синей ручкой впиталась в затёртый до проплешин картон и навечно в её память.

– Такова была их последняя воля, – адвокат подытожил речь, которую Барр так и не услышала. – Эллен?

Весть об их гибели настигла её в Рейкьявике, ночью, в номере отеля, где она корпела над расшифровкой текста. Эллен молча кивала в трубку, а после пошла собирать чемодан для полёта в родной Висконсин. Её ждала огромная, просто чёртова куча дел.

За организационной суетой она не успела толком ощутить горечь утраты. Последний раз она приезжала домой два года назад на Рождество и за это время лица близких стёрлись из памяти, оставив лишь мутные образы и обрывки воспоминаний. В день похорон она смотрела на блекло-серые оттиски их лиц и в этих заострившихся чертах не узнавала своих родных. В кресле юриста по наследственным делам она оказалась лишь спустя два месяца после церемонии прощания: всё время находились какие-то дела.

– Эллен? – адвокат наклонился к ней и дотронулся до её руки, пытаясь обратить на себя внимание.

– Ещё раз, пожалуйста, – Барр перевела на него рассеянный взгляд.

– Мистер и миссис Барр просили вас не бросать поиски Нэйти. Это была их последняя воля.

Эллен молча кивнула. Сложив в портфель досье, документы на дом и ключи от банковской ячейки, она вышла из кабинета, зная, что сегодня снова заночует в отеле. Она не хотела возвращаться в дом, где запахом горя пропиталась каждая доска паркета. Эллен собиралась продать его как можно скорее.

Глава 1

Эллен собрала все вечерние пробки, пока добралась до ресторана, чтобы встретиться с Трэвисом Хартом. От отеля до ресторана было больше часа езды, а с учётом запруженных машинами улиц она едва управилась за два. Трэвис выбрал самое приличное заведение города и долго убеждал Эллен, что ей надо развеяться. Она не хотела ехать на эту встречу, но в последний момент передумала. Рвать нити, связывающие её с родным Берлингтоном, нужно было раз и навсегда, и Барр не хотела делать этого по телефону.

«Давай сделаем перерыв» можно было смело назвать девизом их с Трэвисом отношений. Эллен не хотела ограничивать его свободу, пока месяцами пропадала в разъездах, и отказывать себе в новых впечатлениях не желала тоже. Наверное, она просто никогда его не любила. Трэвис был удобен, как старый поношенный свитер. Соседский мальчик, который всегда под рукой. Возвращаться Эллен не собиралась и тащить его за собой не планировала – он, словно пережиток прошлого, тянул её назад в болото горечи утраты, из которого она так отчаянно жаждала выбраться.

Эллен проехала почти весь центр с черепашьей скоростью. Она запоминала город, в котором родилась и выросла: дома из красного и белого кирпича, площади и улицы, выложенные брусчаткой, острые башенки Университета, стремившиеся в низкое, дождливое небо. Тихий, живописный городок на берегу озера, казалось, никогда не был ей родным, в нём всегда было тесно, а сейчас просто невыносимо. Какая-то патологическая жажда движения гнала её вперёд, словно кнутом. Барр знала, что сумеет скинуть с себя тупое оцепенение, лишь ступив на трап самолёта, и после сможет забыться в работе.

– Эллен! – Трэвис махнул ей рукой, как только она появилась на пороге.

Она отдала плащ метрдотелю и направилась к маленькому круглому столику в центре зала, аккуратно огибая другие столы, разбросанные по помещению в порядке хаоса. Зал был забит под завязку, играла живая музыка и было душно, несмотря на распахнутые панорамные окна и промозглую погоду.

– Как ты? – Харт поцеловал её в губы и отодвинул стул, помогая присесть.

– Сойдёт, – Эллен отмахнулась от разговоров о себе и нетерпеливо стукнула ладонью по звонку, вызывая официанта. – Ужасно есть хочу.

Она не знала, как обозначить своё эмоциональное состояние и как донести до Трэвиса свои решения. Он увлеченно что-то рассказывал ей, а Эллен изредка кивала и вставляла междометия, старательно притворяясь, что ей интересно. Глухая апатия расплзлась внутри, словно тяжёлая туча с градом и снегом. Эллен чувствовала себя поллой куклой, которая не умеет ни плакать, ни радоваться. Она словно застыла в перманентном состоянии безразличия ко всему живому, и это пугало её больше, чем мысль, что у неё больше никого не осталось.

– Нам нужно поговорить, – Трэвис прервал непринужденную беседу. Его тон стал серьёзным.

– Да, ты прав, – Эллен отодвинула остатки ужина и взглянула ему в глаза.

Пауза затянулась. Трэвис явно нервничал, и Барр решила первой взять слово.

– Нам нужно разойтись окончательно, Трэвис.

– Ты выйдешь за меня?

Они сказали это одновременно, и только сейчас Эллен ощутила, как тихо стало вокруг. Посетители смотрели только на них, в дальнем конце зала послышались жидкие аплодисменты, которые никто не поддержал, потому что Эллен молчала. Словно из ниоткуда перед ними возникли два скрипача и заиграла их песня, под которую они танцевали на выпускном и под которую впервые поцеловались.

Эллен прикрыла глаза ладонью. Хотелось провалиться сквозь землю – фееричное расставание под оркестр с пятью десятками свидетелей не было в её планах. Трэвис изумленно смотрел на неё, сжимая в кулаке бархатную коробочку, которую так и не успел открыть, и Эллен почувствовала, как внутри нарастает волна раздражения. Прозвучали последние аккорды и музыканты замерли у их столика, ожидая ответа. Их лица сияли.

– Вы закончили?

Эллен взяла сумочку и бросила на столик пару купюр.

– На чай.

Она так резко поднялась со стула, что ножки оглушительно царапнули пол, привлекая к ней ещё больше внимания. Не поднимая взгляда, Эллен бросилась прочь из зала. За секунду до того, как за ней закрылась дверь, она услышала, как возобновился звон столовых приборов, и снова заиграла музыка, будто ничего не произошло. Зажигательным латино оркестр стремился сбить неловкость, повисшую в зале гробовой тишиной, но гости ещё долго обсуждали этот провал за бокалом вина. Барр была уверена в этом.

От злости у неё дрожали руки, Эллен никак не могла выудить из сумочки ключи от машины. Она злилась на Трэвиса за его глупость – спустя всего два месяца после смерти родителей замужество было последним, о чём она думала. Она вообще об этом не думала. Эллен поймала себя на мысли, что никогда не хотела замуж. Жена в разъездах – плохая жена.

– Я хотел поддержать тебя.

На парковке возник Трэвис. Он был расстроен и потерян, как дворовый пёс, которому ни с того ни с сего дали под зад. Харт кусал губы и мялся, и ярость покинула Эллен, оставив после себя лишь голую пустоту.

– И выбрал самый нелепый способ, – она нащупала в сумке заветный брелок и в последний раз взглянула на сутулую фигуру бывшего возлюбленного. – Я уезжаю. Продаю дом и уезжаю. Теперь навсегда.

Она, наконец, сказала это вслух, и поняла, что ей стало гораздо легче, словно всё встало на свои места. Эллен даже удалось улыбнуться ему на прощание.

– Ты просто убегаешь, Эллен.

Барр не ответила. Выруливая с парковки, она ни разу не оглянулась. Прошлое осталось в прошлом.

Она не хотела думать, насколько Трэвис был прав. Под ней всегда словно горела земля, вынуждая двигаться всё быстрее и дальше. В детстве мама ругала её за излишнюю суетливость и неусидчивость, и по её настоянию Эллен выбрала профессию, которая требует большой концентрации, но и тут она сумела выкрутиться. После окончания учёбы она отказалась корпеть над переводами в стенах Университета и согласилась на предложение от лингвистической лаборатории Нью-Йорка, связанное с частыми командировками. Это произошло через год после исчезновения брата, и Эллен была почти рада вырваться из плена безнадежного горя, в который превратился их дом.

Это было сложно вынести. Когда Натаниэль перестал отвечать на звонки и письма, она поняла, что ничего уже не будет, как прежде. Внутри что-то бесповоротно сломалось, и когда полиция развела руками, включив его имя в список пропавших без вести, Барр осознала, что потеряла свою семью. Общение с родителями было сведено к ежедневным сводкам их личного расследования, и со временем отчуждение между ними выросло до размеров пропасти. Она пыталась заставить их жить дальше, преодолевая боль, но родители лишь винили её в чёрствости. Эллен ничего не могла с этим сделать, она ступила на путь смирения в одиночку. Согласно статистике ежегодно пропадает без вести более тысячи человек и возвращаются живыми единицы, а Эллен не верила в счастливый случай. Под эти мысли Барр свернула на дорогу, ведущую к дому. Нужно было разобрать коробки с личными вещами, которые ей передали в участке после окончания расследования автомобильной аварии, унесшей жизни её родных.

Чёрные квадраты окон были пусты и безжизненны, дом был похож теперь на склеп. Эллен отвыкла, чертовски отвыкла от этого места, и въезжая во дворик, она невольно передёрнула плечами, словно почуяла кладбищенский холод. Фонари во дворе не горели, порывы сквозняка качали лёгкую, хорошо потрепанную грушу на спортивной площадке.

Нэйт часто пропадал здесь. Под лавкой валялись его перчатки, словно он бросил их туда только вчера. Эллен подняла с земли баскетбольный мяч, покрутила его в руках и бросила в корзину, в темноте попав по ободку. Мяч ускакал за дом, и его удары напомнили ей звук удаляющихся шагов.

Металлическая сетка кольца всё ещё гремела по инерции, нарушая мертвую тишину двора, и Барр отчего-то захотелось остановить этот мерный звон, будто он пугал её. Порыв сквозного ветра растрепал ей волосы, и Эллен резко обернулась, почуяв чужое присутствие.

– Нервы ни к чёрту.

Любую тень в густых сумерках двора при должном уровне фантазии можно было принять за чужой силуэт. Жизнь после смерти не доказана – оттуда ещё никто не возвращался, и мысль о призраках Эллен отмела сразу же, пока та не успела прокрасться в сознание и вызвать приступ паники. Барр больше опасалась живых, надеясь, что в покинутый дом ещё не успели пробраться воры или бродяги.

– Мне не пять лет, в конце концов.

Толкнув грушу, Барр направилась к дому. Она стукнула ладонью по выключателю над крыльцом, и над площадкой разлился мягкий, желтоватый свет. Сигнализация была исправна, значит, дом по-прежнему пустовал. Она открыла дверь и вошла внутрь.

Замерев на пороге, Эллен вдохнула застойного воздуха с привкусом пыли и плесени. В секундном порыве ей захотелось распахнуть окна и проветрить родной дом от этого затхлого, нежилого запаха, но Барр решила не тратить время. Она не хотела задерживаться здесь дольше, чем необходимо.

Эллен поднялась на второй этаж, попутно включая свет, чтобы не споткнуться. У двери комнаты Натаниэля она остановилась, и, помешкав, всё же решилась войти. Здесь всё было так же, как и семь лет назад. Даже его любимая кружка с надтреснутым краем сиротливо стояла на углу письменного стола, остатки кофе на дне её покрылись густой шапкой плесени. Эллен дотронулась до спинки кровати и собрала ком серой пыли подушечками пальцев.

Барры не побоялись взять из приюта сложного ребёнка. Вспышки агрессии сменялись приступами глухой апатии, но врачи не находили у него видимых отклонений, списывая всё на трудные условия, в которых он рос. Лекарства давали временный эффект, а в минуты просветления они здорово проводили время вместе. Несмотря на то, что Эллен была старше, ей было интересно с ним. Мальчик был развит не по годам, ей всегда казалось, что для ребёнка у него слишком взрослый взгляд, словно нелёгкий жизненный опыт оставил отпечаток на его лице. Нэйт сменил три семьи, пока не обосновался здесь, чтобы после исчезнуть без следа.

Коробку она нашла в своей бывшей спальне. Эллен не помнила, когда успела поднять её туда, слишком много дел навалилось в тот день. Личные вещи родителей были аккуратно упакованы в полиэтиленовые пакеты: содержимое маминой сумочки, отцовские часы, мобильные телефоны с треснутыми экранами, записная книжка в кожаном переплёте с пятнами крови на корешке. Она неосознанно провела по нему пальцем, словно эти высохшие капли всё ещё хранили частицу жизни её родных.

Внутри нашёлся сложенный пополам листок, и Эллен развернула его.

– Не ищите меня.

Она прочла содержимое вслух, и сразу же прикрыла рот ладонью, чтобы не закричать. Это был его почерк. Это была записка от Нэйта. У Эллен мелко задрожали руки, и маленькие, круглые буквы слились в одно сплошное пятно. Когда детектив, расследовавший автокатастрофу, сказал ей, что Барры спешили в участок, чтобы добиться повторного открытия дела,

Эллен решительно не понимала зачем. Не понимал и детектив, с которым мать говорила перед поездкой по телефону, ведь на записке не было ни даты, ни адреса. Она не дала бы ровным счётом ничего, но родители вцепились в эту прозрачную надежду, словно в спасательный круг. Теперь всё встало на свои места. Они торопились в участок и попали в сильнейший ливень. Эллен была уверена, Нэйт не хотел, чтобы родители погибли из-за него. Он не хотел, чтобы его искали. Возможно, он жив. Возможно, он в беде.

Эллен захлопнула книжку и сжала её в руках. Где-то под ребрами словно вспыхнул огонь, его жар растекался по венам, впитывался в мышцы и сухожилия, заставляя её без толку метаться по комнате, лишь бы сбить эту назойливую жажду действия. Эллен знала это чувство. Её тело откликнулось на него быстрее разума, настолько оно въелось в подкорку. Она понимала, что в этот раз не сможет оставить всё так, как есть.

– Такова была их последняя воля.

Эллен вспомнила слова адвоката по наследственным делам, и решение пришло само собой. Она достала из кармана телефон и набрала номер офиса.

– Мне нужен отпуск. За все три года.

Летя по ночному шоссе в отель, Барр бросала нетерпеливые взгляды на папку с делом Нэйта и вслух проклинала дорожные знаки с ограничением скорости. Ей казалось, что она теряет драгоценные минуты. Эллен дала себе слово. Она выполнит последнюю просьбу родителей и найдёт Нэйта. Живым или мёртвым.

Следующие сутки Эллен обрывала телефоны. Двое частных детективов отказались, сославшись на занятость, ещё двое – ознакомившись с материалами дела, которые Барр выслала им по электронке, и лишь один, Фрэнк Делино, согласился с ней на встречу.

– Ваша мать была у меня, – детектив, престарелый мужчина с залысиной на макушке, сухой и высокий, как жердь, ошеломил её с порога. – Вот что я скажу вам, Эллен. Вам не стоит ввязываться в это дело.

Барр так и осталась стоять в дверях, в плаще, завернутая в шарф до самого подбородка. Отрицание и раздражение от его слов будто обернулось вокруг неё колючей шкурой: Эллен готова была спорить с ним до хрипоты и предлагать любые деньги, лишь бы не оставаться со своей бедой один на один.

– Оно безнадежно, поверьте моему опыту. Ваш брат хотел уйти. Хотел, Эллен.

Она не верила ему, хотя детектив был убежден в своей правоте. В его пользу говорило безупречное резюме, опыт и стопроцентное раскрытие многих и многих запутанных дел ещё в бытность его работы в полиции.

– А если с ним что-то случилось? У него были проблемы с психикой...

– Я тщательно изучил дело Натаниэля, я провёл всесторонний анализ и привлёк специалистов из психиатрической лечебницы. Он был абсолютно адекватен, я бы сказал, адекватнее, чем когда-либо. Уйти было взвешенным, хорошо обдуманном решением.

Дэлино говорил так уверенно, будто пытался убедить её во что бы то ни стало. Казалось, он жалел её. Иначе и не могло быть, наверняка в его глазах Эллен была потерянной сиротой, которая отчаянно цеплялась за любую возможность отыскать единственного, оставшегося у неё родного человека. Детектив по-отечески жалел её, но Барр не собиралась принимать его жалость.

– Даже если с ним что-то случилось, вы уже ничем не сможете ему помочь. Он не объявится, пока сам этого не захочет, – он настаивал, но Эллен уже не слушала его. Она сунула папку подмышку и взялась за ручку двери.

– Спасибо, что уделили мне время.

Громкий стук каблуков по гладким гранитным плитам парадной перебивался глухим звоном в ушах. Казалось, сердце грохочет в висках, и на языке вертелось «да идите вы все к чёрту», которое Эллен держала за плотно сомкнутыми зубами.

– Эллен! – её окликнули сзади.

Она обернулась. Сутулая фигура Дэлино застыла в дверном проеме, его морщинистая, обветренная ладонь слишком крепко сжимала дверную ручку. Казалось, одним лишь взглядом он умолял её оставить всё, как есть. Эллен невольно дернула плечами, прогоняя плохое предчувствие.

– Вы ведь не остановитесь, верно?

– Нет, – она ответила резче, чем собиралась, и следом увидела, как в глазах старика погасла надежда.

– Храни вас Бог.

За ним с тихим щелчком закрылась дверь, и Эллен услышала, как шуршит ключ в замочной скважине. Она растерянно повертелась на узком пятачке лестничной клетки и направилась к лестнице, решив не пользоваться лифтом.

Барр не знала, что делать. Она машинально пересчитывала ступеньки, пытаясь собрать мысли в кучу. Нэйт не мог хотеть страданий родителей, он любил их. Он должен был понимать, к чему приведёт его уход, и что это его «не ищите меня» не только не остановит их, а наоборот лишь подстегнет. На всё должна быть причина, и Эллен собиралась выяснить её. Слова детектива расстроили её и насторожили, но решимости ей это не убавило. Теперь всё придётся делать самой, хоть у неё и не было опыта в подобных делах.

Барр села за руль, но не стала заводить машину. Она взяла в руки папку с делом брата и открыла на последней заполненной странице. В пластиковом кармашке лежала открытка, исписанная мелким, торопливым почерком прямо поперёк типографской линовки. Это было последнее его письмо. Натаниэль говорил, что нашёл тот маленький городок, где родился и откуда началась его кочевая жизнь по приёмным семьям. Он часто говорил об этом, несмотря на то, что мама обижалась на него. Нэйт хотел найти свои корни, у него были вопросы, и Эллен считала это нормальным для ребёнка, оставшегося без родной семьи. Она понимала его чувства.

Брат писал, что нашёл работу на местной лесопилке, и что ему нравится там. На открытке зеленел густой, живописный лес и на фоне сломанной сосны был изображён медведь гризли – полноправный хозяин лесов северных штатов и Канады. Обратным адресом значился некий Форт-Келли, и Эллен слабо представляла, как будет добираться до этой глуши, которой даже на карте не нашлось.

Барр запустила навигатор и дождалась, когда он рассчитает путь. Несколько суток в дороге. Эллен вздохнула и завела мотор. Она не хотела терять времени, ей нужно было собрать вещи. Выезжать она планировала следующим же утром.

Глава 2

Эллен загнала машину в автосервис и заказала кофе в соседнем кафе. До Форт-Келли оставалось меньше суток пути, но она заметила, как поредела жилая застройка. Сплошная равнина перемежалась с лесами, издалека напоминающими вздыбленную шерсть дикого зверя, и серая лента хайвея, казалось, врезалась ему в бок. Этот пейзаж окружал её уже добрый десяток миль, словно она топталась на месте или вовсе попала во временную петлю.

– Далеко отсюда до Форт-Келли? – спросила Эллен у приветливой официантки, когда та принесла ей счёт. Она лишь пожала плечами.

– Смотря, какой дорогой ехать, – с соседнего столика отозвался крупный бородач. Он был водителем фуры, стоящей на парковке. Барр видела, как он заезжал на неё полчаса назад. – Если свернете на грунтовку и поедете вдоль рельсов, скостите полсутки. Но это если у вас полноприводный внедорожник. А если малолитражка городская, то езжайте прямо до станции, бросьте её там от греха подальше, а сами садитесь на ближайший товарняк, и вы на месте.

– Спасибо, – сухо отозвалась Барр, взглянув в окно на свой маленький «Шевроле», возле которого вертелся автомеханик.

– Позвольте узнать, что леди понадобилось в такой дыре? Вы же ведь не местная, верно? – мужик развернулся к ней всем корпусом, демонстрируя чрезвычайную заинтересованность её персоной.

– Я ищу своего брата. Не видели его?

Эллен вынула из папки фото и показала ему. Она сбилась со счёта, сколько раз уже вынимала эту карточку из папки: на автозаправках, в магазинах, в мотелях, где останавливалась переночевать, когда вести машину уже не было никаких сил. Казалось, изображение потускнело, пройдя через десятки рук, но никто не мог дать ей ни крупицы надежды.

Черноволокный, худощавый парень с тонкими, почти девчачьими чертами лица, в которых угадывался лёгкий оттиск черт коренных народов Северной Америки. Никто не знал наверняка, есть ли в мальчишке индейская кровь, но лицо его было из тех, которые врезаются в память своей самобытностью. Водитель долго всматривался в черты Натаниэля, но после лишь пожал плечами.

– Нет. Жаль, не могу помочь вам, – он грузно слез со стула и небрежным движением нахлобучил замасленную бейсболку на самые глаза. – Будьте осторожны, мэ.

– Да что там такого?!

Эллен не сдержалась. Постоянные предупреждения от незнакомых людей, вечные мелкие неприятности и собственные страхи, с которыми она устала бороться – её словно что-то не пускало туда. Барр не верила в знаки судьбы, здравый смысл был её религией, и все эти туманные намёки попросту начинали её раздражать.

– Ну, это вам не прогулка в парке с белками. Белочки там конечно есть, но покрупнее, – он усмехнулся и стряхнул с бороды крошки. Увидев, что Эллен не поняла шутки, он пояснил. – Волки, медведи. Там гризли водятся. Хотя к железной дороге они не суются, но вот волки, говорят, в этом году оборзели в край.

– Отлично. Просто замечательно, – вздохнула Барр. Волки и гризли – последнее, о чём она думала, отправляясь в дорогу.

– Не показывайте им, что боитесь, – посоветовал он ей, уже стоя в дверях. Китайский колокольчик бился о козырёк его кепки, подгоняемый сквозняком с улицы. – Хотя травмат надёжнее, пару выстрелов в воздух, и они разбегутся.

Водитель вышел из кафе, и Эллиен долго наблюдала, как огромная фура корячится на маленьком пятачке парковки, пытаясь развернуться. В мыслях царил разброд, а кофе остыл и стал омерзительным на вкус. Барр оставила деньги на столе и отправилась за машиной в сервис.

Равнина сменилась редким подлеском, который густел с каждой намотанной на спидометре милей. На дороге было пусто, за всё время пути она увидела лишь две фуры, которые ехали в противоположном направлении. Под мурлыкающее радио она проехала знак «Осторожно, животные» и вспомнила слова водителя. Ей стало не по себе. В этих диких условиях она чувствовала себя незащищённой. Эллиен, привыкшая к городским пробкам и непрерывному мерцанию неоновых вывесок по обеим сторонам дороги, ощущала себя отброшенной на несколько столетий назад, и это чувство совершенно не нравилось ей.

Ровная полоса шоссе прервалась на перекрёстке, и она остановилась на светофоре. Левый поворот выводил на грунтовую дорогу, и Эллиен увидела железнодорожные пути, проложенные вдоль неё. Это был тот самый путь, о котором говорил шофёр. Пока горел красный сигнал, Барр беспомощно вертела головой то налево, то прямо на длинную, но безопасную объездную дорогу по двухполосной асфальтированной трассе. Выбор был сложным. У неё отваливалась спина, и лишние двенадцать часов за рулём казались ей пыткой. Перспектива делать большой крюк вокруг лесного массива, ждать поезда, расписания которого она не знала, а после идти на своих двоих или ловить попутки была ничуть не радужнее.

– Десять лет за рулем, я справлюсь. К чёрту всё! – Она резко, чтобы не передумать, свернула на грунтовку и прибавила ходу.

Вдоль путей простиралась широкая просека, и по плотно укатанной земле машина шла относительно ровно. Эллиен двигалась по направлению к границе с Канадой, к зелёной точке на экране навигатора, установленной почти наобум. Спустя час езды ей пришлось сбросить скорость – ровная дорога сменялась колеёй, наверняка проделанной по мокрой земле трактором или другой рабочей техникой, и рытвинами от выкорчеванных пней. Лес густел и просека становилась узкой, казалось, что столетние сосны обступали её со всех сторон, грозя раздавить. Сердце застучало быстрее, а плотный, наполненный запахом хвои воздух застревал в глотке, слишком густой и свежий для привыкших к городскому смогу лёгких. Эллиен не знала за собой боязни замкнутых пространств, но ощущала, как близилась паника, и самоуверенность, которая была при ней ещё час назад, сходила на нет.

Дорога шла вдоль рельсов, и Барр ориентировалась на их металлический блеск, пока они не взмыли по склону оврага вверх, а дорога, которая стала теперь больше напоминать тропу, осталась внизу. Сплошная стена леса перемежалась длинными просеками, уходящими в глубину до самого горизонта, и Эллиен осаживала себя, чтобы не свернуть с тропы на одну такую. Ей безумно хотелось больше пространства, но плутать по лесу с последней канистрой горючего ей хотелось гораздо меньше. Машину ощутимо трясло, Эллиен слышала, как натужно скрипели рессоры, даже сквозь бормотание радио. Бодрая попсовая песенка то и дело прерывалась помехами, пока не затихла совсем. Эллиен невольно нажала на тормоз. Казалось, тишина оглушила её, она полезла в бардачок, чтобы найти флешку с музыкой, и поняла вдруг, что делает это машинально. Гораздо больше её волновало то, что скорее всего в этом месте нет связи. «Связь со спутником прервана», – навигатор елеинным голосом озвучил ей приговор. Эллиен потянулась за мобильным, и поняла, что права.

Она не может позвонить, не может выйти в интернет, не может вызвать помощь, если застрянет здесь до ночи. Всё нутро сжалось в комок, и Эллиен, плотно застегнув куртку, вышла из машины.

Подолы лёгких кожаных сапог утонули в мягком ковре из сосновых игл и перегнившей травы. Порыв холодного, сырого ветра влез за воротник и растрепал густые, чёрные волосы, которые завились от влажности в тугие кудри. Эллиен отбросила их назад и осмотрела машину. Колеса её когда-то белого купе облепили ошметки густой грязи, Барр заметила пару царапин на

боковине и погнутый диск. Она не помнила, когда и во что успела влететь. Эллен подняла телефон над головой и прошлась вокруг машины, пытаясь поймать сеть. Связи не было, она влезла на капот, а следом на крышу, чтобы увидеть, как крохотная полоска индикатора зажглась и тут же погасла.

– Да что же это такое?!

Эллен вернулась в машину и решила ехать по памяти. Колёса забуксовали по мягкой земле, машина натужно двинулась с места. Она прибавила ходу, потому что начало вечереть. До ночи оставалось не более трёх часов, Барр была в ужасе от мысли, что придётся ночевать в машине посреди глухого леса, населенного дикими животными.

Она не сразу поняла, что произошло. Её тряхнуло, где-то снизу послышался звук удара и машина встала. Эллен упрямо жала на газ, движок ревел, но не мог сдвинуть авто с места. Барр почувствовала, что у неё мелко дрожат руки, паника сковала мысли, а тело одеревенело. Она с трудом вылезла из машины и заглянула под днище. Эллен не разбиралась в устройстве автомобилей, доверяя это дело профессионалам, но увидев, что правое колесо вывернуто сильнее, чем положено, она поняла, что случилась катастрофа.

– Проклятье!

Отказываясь верить в случившееся, Эллен прыгнула за руль, и не закрывая двери, включила задний ход. Она вертела руль, меняла передачи в попытке сдвинуться с места, но машина была бесповоротно мертва. Эллен могла надеяться только на чудо, если бы верила в него.

Барр выключила двигатель и замерла, облокотившись лбом на руль. Густую тишину разбавлял лишь гул ветра и её сбитое дыхание. Она перегнулась через приборную панель и посмотрела вверх. Казалось, верхушки огромных сосен тычутся в серые облака, вечернее небо заволакивало тучами, и от этого становилось ещё темнее. Воздух наполнился запахом дождя и ночного холода, и Эллен со злости трижды хлопнула по клаксону.

–Эй! Кто-нибудь! – Она крикнула в пустоту со всех сил, понимая, что вряд ли будет услышана. – Что же я натворила? Боже, какая дура.

Эллен сотню раз пожалела, что решилась на эту поездку так опрометчиво. Горячее желание найти следы брата сменилось желанием элементарно не умереть. Она чувствовала, как слёзы щиплют глаза и как близко подобралась к ней истерика, лишив её возможности здраво соображать. Внутри полыхал огонь, превращая остатки внутренностей в пепел, ей было страшно так, что хотелось скулить от безысходности. Эллен не знала, как выживать в дикой природе, этот вопрос никогда не интересовал её. Она не ходила в турпоходы, не сплавила на байдарках, не покоряла горные хребты, предпочитая отдыхать с комфортом на берегу моря или осматривать достопримечательности городов, в которых ей доводилось бывать. Эллен не могла представить, что однажды жизнь забросит её так далеко от цивилизации, и как беспомощна она окажется перед дикой, первобытной природой.

Ночь надвигалась слишком быстро, и в салоне авто Барр ощущала себя словно в банке со свечой – она не видела ничего, зато её было видно, как на ладони. Серая моль билась о лобовое стекло, привлекаемая светом, звуки ночного леса росли и множились, превращаясь в мерный гул.

Она услышала, как с хрустом ломаются сучья, словно кто-то крупный пёр напролом, не разбирая дороги. Эллен с ужасом вгляделась в смоляную тьму, и ей почудился хищный отблеск глаз за тяжёлыми стволами сосен. Барр не знала, что делать. Она боялась потерять сознание от страха. Включив дальний свет фар и закрыв все окна, она смотрела перед собой пустым, невидящим взглядом, пока в зеркале заднего вида не блеснули два бледных фонаря. Это были ходовые огни.

– Эй, сюда! – она не могла упустить такой шанс. Словно сумасшедшая, Эллен выскочила из машины. Она кричала, размахивала руками, била по клаксону, оглушая саму себя, пока

очертания приближающейся машины не стали видны отчётливо. Ей дважды мигнули дальним светом, и она поняла, что её заметили.

Коричневый пикап «Форд» на высокой подвеске добрался до неё через несколько минут и остановился чуть позади. Из кабины вышел молодой, высокий мужчина, но Барр не могла как следует разглядеть его лица – свет фар бил ему в спину. Несмотря на промозглую погоду, на нём не было куртки, только клетчатая рубашка, штаны и высокие сапоги, запачканные грязью по самые голенища.

– Помогите мне! – Эллен крикнула, словно он всё ещё был за милю от неё.

– Всё в порядке, мисс. Вы в безопасности, – мужчина медленно приближался к ней, выставив вперёд ладони. Он пытался её успокоить. – Посмотрите на меня. Дышите.

Её трясло и она уже не отдавала отчёта в своих действиях, наверняка в его глазах она выглядела спятившей от страха истеричкой, и Барр, послушавшись совета, глубоко вдохнула и выдохнула.

– Как вы здесь оказались?

– Машина. Сломалась. И телефон... – Эллен повертела в руках бесполезный аппарат.

– Не ловит, да? – он понимающе улыбнулся, Барр отчего-то смутилась и опустила глаза. – Это нормально, вы вне зоны покрытия.

Его голос отозвался вдоль позвоночника мягкой волной, он обволакивал, успокаивал, и Эллен наслаждалась звуками человеческой речи, ведь буквально пару минут назад она и не надеялась ещё когда-нибудь увидеть людей. Адреналиновая лихорадка отступила, оставив после себя слабость и опустошение. Ей ужасно захотелось спать.

Мужчина обошёл «Шевроле», нагнулся и посветил фонариком под днище, после сел на водительское сиденье, завёл мотор и попытался заставить машину ехать. Эллен заметила, что её городское купе мало ему.

– Скорее всего, это рычаг подвески. Надо в мастерскую отогнать. У вас есть трос?

Он выбрался из её авто, словно из тесной коробки, и остановился прямо напротив неё. Эллен пришлось задирать голову, чтобы сохранять с ним зрительный контакт, настолько он высок был ростом.

– Нет, кажется, нет, – Барр предпочитала пользоваться услугами эвакуатора, трос давно покрылся пылью в отцовском гараже.

– Жаль. Мой лопнул сегодня утром. Здесь часто такое происходит, – он кивнул на её «Шевроле», и Эллен поняла, что он не раз вытягивал бедолаг на неподходящих такому ландшафту машинах. – Придётся оставить её и вернуться утром. Вряд ли кто-то её тронет.

Мужчина вернулся к пикапу, открыл для неё дверцу пассажирского места и убрал с сиденья куртку.

– Садитесь. Отвезу вас к людям, – он улыбнулся и протянул ей ладонь. – Меня Бишоп зовут. Адам Бишоп.

Барр взглянула на него.

Чем дальше Барр удалялась от города, тем больше люди, которые попадались ей на пути, напоминали свору необразованных бродяг. Низкий интеллект, лень и алкоголь не позволяли им выбраться из своего захолустья и устроиться получше. Эллен, чей вектор жизни всегда стремился вперёд и вверх, ни за что не смогла бы найти с ними общего языка. Грубые официантки, хамоватые водилы, откровенно глупые кассирши в продуктовых маркетах и билетных кассах, которым Барр совала фото брата, смотрели на неё с завистью и пренебрежением, словно недостаток и хорошее образование было чем-то неприличным. Бишоп не был похож ни на одного из таких дикарей. Он держался открыто и доброжелательно, соблюдал дистанцию и все нормы этикета, принятого в цивилизованном мире, словно вовсе был не отсюда или забрёл сюда случайно, как и она.

– Эллен. Эллен Барр. Спасибо.

Его ладонь была большая и тёплая, а кожа грубая и мозолистая, не тронутая маникюром и парафиновыми ваннами, которые регулярно делали себе её коллеги по работе. В этом было неуловимое очарование настоящей мужественности, которая давно уже вышла из моды. Ему хотелось доверять, он внушал чувство безопасности на уровне инстинктов, о существовании которых Эллен даже не подозревала – казалось, встретить она волка или гризли, Эллен просто шагнула бы ему за спину и ни о чём не волновалась. От него исходила такая необъяснимая внутренняя сила и уверенность, что Барр не смогла с ним спорить, несмотря на то, что бросать машину в лесу ей совсем не хотелось.

Барр забрала из багажника чемодан, сумочку с переднего сиденья и поставила машину на сигнализацию. Бишоп помог ей забраться на высокую подножку и мягко, стараясь не хлопать, закрыл за ней дверцу.

Эллен, не привыкшая к столь бережному отношению, чувствовала себя неловко. В её мире мужчины заботились лишь о себе, даже Трэвис, который и не стремился никогда узнать, что происходит у неё на душе. Ему всегда было достаточно того фасада стабильной пары, за которым скрывалось банальная привычка. Они всегда жили по соседству, были вместе со школы, вместе пошли в колледж, и, казалось, их совместное будущее определено на многие и многие годы вперёд, и Эллен слепо велась на это. Её иллюзии испарились в тот день, когда исчез Натаниэль, и смерть родителей лишь подтвердила это. Она поняла, что ничего и никогда не бывает навсегда, и всё, что строилось годами, может рухнуть в одну секунду. Тот день стал точкой отсчёта. Барр не могла больше рассчитывать ни на кого, кроме себя.

Погрузившись в угрюмые мысли, Эллен без толку тыкала в телефон, перебирая скачанные файлы и фото, удаляла ненужные. Она стёрла все совместные фотографии со своим бывшим женихом, и при этом не почувствовала ничего, кроме зияющей пустоты. Магнитола крутила диск с кантри, и от мелодичного, полного грусти голоса певицы становилось ещё тоскливее. Её поездка с самого начала пошла кувырком и продолжилась рядом с человеком, о котором она не знала ничего, кроме имени.

– Что вы делали в лесу? – спросила Эллен, решившись, наконец, разбавить это давящее на нервы молчание.

– Я здесь работаю. На лесопилке. Возвращался из города и услышал сигнал.

Бишоп не сводил глаз с дороги. Дальний свет фар резал вязкую темноту, касался плотной стены молодых сосен, вылавливал за стволами смутные очертания и силуэты, которые воспаленный разум мог принять за что угодно. Ночная птица пронеслась прямо перед лобовым стеклом Эллен едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть.

– Форт-Келли? – она развернулась и взглянула ему в лицо с надеждой.

– Да.

– О боже, серьёзно? Вы просто моя удача! Я ищу своего брата. Он пропал семь лет назад, он работал у вас. Вы видели его? – Эллен, взбудораженная этой новостью, завозилась на сиденье и полезла в сумку. – Я сейчас фото покажу.

Её словно окатили ледяной водой. Барр замерла и перестала дышать, когда поняла, что оставила папку с документами на заднем сиденье и на нервах просто забыла о ней.

– Нам нужно вернуться немедленно! – она почти кричала, но Бишоп лишь виновато пожал плечами.

– Не выйдет. Горючего не хватит. Далеко уехали.

– У меня канистра бензина. Разворачивайтесь.

– Здесь дизельный движок, – он лишь улыбнулся, продолжая спокойно вести автомобиль вперёд. – Не волнуйтесь. Заберем вашу машину сразу, как рассветет, и я отведу вас к хозяину, расскажете ему про брата.

Эллен не осознавала, что говорит в приказном тоне и Бишоп ей ничем не обязан, скорее напротив, он мог бы бросить её одну с этим её столичным гонором, и она бы ночевала в машине

в обнимку с этой чёртовой папкой. Эллен на его месте так и поступила бы, но Адам был на удивление терпелив.

– Извините меня, – она почувствовала жгучий стыд за своё истеричное поведение и за свою забывчивость. Отвернувшись к окну, Эллен наблюдала, как мелкие дождевики разбиваются о стекло, утаскивая с собой вниз мелкий мусор и пыль. К боковым зеркалам прибилась сырая листва, рытвины под колёсами грузовика ощущались всё сильнее, и Барр поняла, что переоценила себя и совершила опрометчивый поступок. Если бы не Бишоп, скорее всего, она никогда бы не выбралась отсюда.

– Я понимаю ваше состояние. Не стоит, – отозвался Бишоп, и Барр почувствовала на себе его взгляд. – Откуда вы? К нам нечасто приезжают с Большой земли.

Она посмотрела на него. В его светлых глазах читалась искренняя заинтересованность и добродушие, а не просто желание забить звуками неловкую тишину. Но Эллен не представляла, что ответить на его вопрос.

– Откуда? Я... я уже не знаю, – дом в Берлингтоне выставлен на продажу, своим она так и не обзавелась. Почти всем её домом был самолёт, а имуществом – чемодан, ноутбук и машина. Ни камина, ни семейных фото в разных рамках, ни собаки во дворе – всё это осталось в далёком детстве, и, казалось, было вовсе не с ней. У неё словно отрезали корни, и теперь ветер носил её по земле, как перекасти-поле. Эллен давно смирилась с этим, но не стала счастливее.

– Понимаю. Это трудно. Когда вдруг остаёшься один на один с собой и понимаешь, что ни черта не понимаешь. Ни кто ты, ни где твоё место. – Адам говорил со знанием дела, и Эллен взглянула на него внимательнее, словно пыталась найти в его глазах отблески тех же мыслей, что одолевали и её.

– С вами бывало такое?

– Увы, – он утвердительно кивнул.

– И вы его нашли? Здесь? У чёрта на рогах?! – она не понимала его, наверное, Адам был слишком хорош для этой глуши.

Он был слишком хорош для этого мира – куда бы Эллен его мысленно не отправляла, он наверняка выделялся бы среди серой, вечно спешащей толпы. Небрежные чёрные кудри, волевое лицо и глаза, голубые и кристально-прозрачные: под этим прямым взглядом, становилось неуютно, казалось, он смотрит прямо в душу и читает её, словно раскрытую книгу. Его движения были уверенны, неторопливы, степенны. В том, как он вёл машину в полной темноте по глухому лесу, в котором неподготовленный человек мог просто погибнуть, в его спокойной манере речи, даже в его фланелевой рубашке с закатанными по локоть рукавами ощущалось спокойствие и надёжность. Барр отчего-то назвала его про себя хозяином леса, наверное, отчасти потому что он был здоровенным, как медведь.

Он лишь улыбнулся ей в ответ.

– Почему? Здесь же с ума сойти можно.

– На самом деле я здесь родился и вырос, потом уехал, объездил всю страну, наверное. Но видимо зов родных мест сильнее.

Зов родных мест. Натаниэль разыскал Форт-Келли, потому что хотел увидеть места, где родился. Он хотел разобраться в своей нелёгкой судьбе и узнать, с чего всё начиналось. Наверное, он нашёл свои ответы. Или нет, и поэтому ничего не сообщил домой, кроме пробравших до дрожи «Не ищите меня». Эллен хотела разобраться с этим, чего бы ей это ни стоило.

– Нам ещё два часа ехать, вы поспите лучше.

Казалось, его слова подействовали, как снотворное – Эллен ощутила жуткую усталость. Нервное напряжение и несколько суток в дороге сделали своё – меньше чем через минуту она заснула, уткнувшись лбом в прохладное стекло.

Глава 3

Эллен проснулась от того, что луч прожектора бил ей в лицо. Они остановились перед КПП, и Адам ждал, когда поднимут шлагбаум. Фонарь сиял на крыше смотровой вышки. На её жестяном крылечке, к которому вели тонкие прутья-ступеньки, кто-то завозился.

– Бишоп, кто это с тобой? – сально хмыкнул охранник, и Эллен отвернула заспанное лицо от окна.

– Заблудилась, – терпеливый и доброжелательный тон, к которому Эллен уже успела привыкнуть за время поездки, резко сменился. В его голосе появились грубые, властные нотки, а плотно сжатые челюсти и злой взгляд говорили о том, Бишоп не собирался тратить время на болтовню и допускать в её адрес шуточки. Барр была ему благодарна за то, что он избавил её от необходимости в тысячный раз рассказывать, кто она, откуда и зачем забралась в такую глушь.

Охранник мотнул головой и шлагбаум поднялся вверх, пропуская машину вперёд.

– Где мы?

– В Форт-Келли, на лесопилке, – пояснил Бишоп, заглушив мотор.

Они остановились у ряда двухэтажных домов, оббитых светлым сайдингом. Их было не больше десятка, и свет горел только в трёх из них и только на верхних этажах.

– Я помогу, – когда Эллен взялась за ручку двери, чтобы выйти, Адам остановил её.

– Не стоит, я сама... – Барр попыталась в очередной раз отказаться от чрезмерной опеки, но Бишоп было не переспорить.

– Темно, высоко, асфальта нет. Расшибётесь.

Он снял её с сиденья за талию и аккуратно поставил на землю, как фарфоровую куклу, а следом вытащил с заднего сиденья её вещи. Она не чувствовала, что Адам относится к ней снисходительно или со скрытой насмешкой над дамой в беде, которая легкомысленно сунулась в такие суровые условия. Его забота была искренней, и Эллен в очередной раз растерялась, забыв сказать спасибо.

Она осмотрелась. Лесопилка была огорожена высоким бетонным забором, на котором кое-где виднелись остатки колючей проволоки. Редкие фонари слабо освещали периметр, но этого было достаточно, чтобы понять масштабы. Территория была немаленькой, она, скорее, напоминала рабочий городок с главной улицей и ответвлениями-переулками, которые уходили в темноту. Эллен рассмотрела аккуратно сложенные бревна, тракторы на гусеничном ходу, огромные циркулярные пилы под открытыми навесами, длинные одноэтажные подсобки, рельсы, уходящий вглубь леса, и вагоны на них. Вокруг, там, куда не мог добраться рассеянный свет фонарей, было темно и глухо. Густой лес, чёрное, заволоченное тучами небо без звёзд и стойкий густой запах смолы, который, казалось, можно зачерпывать руками. Эллен чувствовала себя запертой в тесной коробке несмотря на то, что дикая природа простиралась на многие мили вокруг.

Бесконечное напряжение и необходимость постоянно быть начеку стянули грудь стальным обручем, и Барр не знала, сколько ещё так выдержит. Хотелось отмотать жизнь на несколько лет назад, закрыть глаза и проснуться в тёплой девчачьей постели в доме родителей, снова стать любимой дочерью и сестрой. Тогда, после похорон, ей казалось, хуже уже не будет, но это «хуже» застало её здесь, посреди ночи, в той части страны, куда ещё не проложили дорог и вряд ли проложат. Беспощадное одиночество и беспомощность свалились на неё каменной плитой и нещадно придавили к покрытой щепками земле. Она устала так, что хотелось сползти на землю, приткнуться головой к боковине авто и заснуть, но присутствие Бишоп заставляло её держать себя в руках.

– Здесь есть гостиница?

– Ближайшая на трассе в шести часах езды.

Эллен едва не застонала от бессилия.

– Здесь вообще негде остановиться приедем?

– В городе сдают комнаты, но до него ещё доехать надо. И это не точно, узнавать надо, а сейчас ночь, – Адам вытащил из кузова пикапа несколько круглых, упакованных в чехлы дисков для пилы и, взяв её вещи, пошёл к одному из домов. – На территории есть общежитие, но ключи от свободных комнат хранятся у владельца, поэтому заночуете у меня.

– Это не совсем удобно, – Эллен вцепилась в ручку двери машины, как в спасательный круг. Это было слишком, Барр не привыкла злоупотреблять чужой добротой. Бишоп не внушал опасений, но ночевать в доме незнакомца казалось ей по меньшей мере неосмотрительно. Опасно и глупо было бросаться на поиски, не продумав всё, как следует. Она не привыкла к себе такой, и непростая ситуация, в которой она оказалась сейчас, была неизбежным последствием её опрометчивых решений.

– У вас выбора нет, только в машине спать, но я вам этого не позволю, – Адам объяснялся с ней терпеливо, словно с несмышленным ребёнком. – Вы меня боитесь?

Барр промолчала, всё её существо на уровне инстинктов хотело доверять ему, но разум упорно твердил, что она знает его всего несколько часов. Бишоп вздохнул, сложил вещи у крыльца и спустился к ней.

– Слушайте, я вас нашёл, я несу за вас ответственность, – он почувствовал её сомнения и, казалось, это его расстроило. Бишоп склонился к ней так, чтобы смотреть прямо в глаза, потому что Эллен едва дотягивала ему до плеча. – Мне бы не хотелось объясняться перед вашим братом, если вдруг с вами что-то случится. Когда вы его найдёте, я передам вас ему в целостности и сохранности.

Она хотела возмутиться, что она взрослый человек и сама способна нести ответственность за себя, но поняла, что едва не угробила себя в лесу. Это было слишком самонадеянно, и Эллен нехотя признала, что в этот раз ей не обойтись без помощи.

Бишоп улыбнулся так тепло и искренне, что Эллен расплылась в ответной улыбке против воли, но напоминание о брате стало ударом под дых. На глаза навернулись слёзы. Барр улыбалась, стараясь незаметно смахнуть с лица предательские капли, надеясь, что Адам не заметит её слабости.

– Я в долгу у вас, – Эллен закашлялась, прежде чем произнести эти слова, чтобы Адам не услышал, как дрогнул её голос.

– Да перестаньте, – он покачал головой и пошёл назад к двери. Барр посеменила следом, почувствовав, что от усталости вконец сдалась.

Резкий, раскатистый лай за спиной заставил её вздрогнуть. Эллен услышала позади топот и свистящее дыхание стаи собак. Они неслись прямо на неё. Услышав псов, Бишоп резко развернулся и посмотрел куда-то поверх её головы. Едва совладав с ужасом, она посмотрела туда же. К ним мчались три собаки, они скалились, подвывали и заливались низким, утробным лаем, и Барр поняла – ещё секунда и они просто разорвут её на части. Ноги приросли к земле, а мозги отключились, превращая восприятие в месиво замедленных кадров. Ни кричать, ни бежать. Страх парализовал тело, отключая элементарный инстинкт самосохранения, она ничего не могла сделать. Эллен зажмурилась и закрыла руками лицо, ожидая боли.

Боли не случилось. Никто не напал, не свалил на землю, не вонзил в неё зубы, никто не рычал возле неё, стараясь загнать в угол – увидев Бишоп, обе огромные сторожевые псины заскулили и, поджав хвосты, бросились под вагоны. Немыслимо. Бишоп не произнёс ни звука – им хватило лишь одного его взгляда. Псы боялись его и Эллен наверняка следовало бояться тоже – так вопили вдруг обострившиеся инстинкты, которые словно глушил кто-то извне.

– Не ходите одна по территории. Они не любят чужих.

Её трясло. Открыв дверь нараспашку, Адам спустился за ней, аккуратно взял её под локоть и помог подняться. Впав в оцепенение от страха, Эллен больше не сопротивлялась.

Первый этаж таунхауса не был жилым: в нём был гараж, подсобка и мастерская. Краем глаза Эллен заметила полки с инструментом, электрогенератор и небольшую эстакаду. На верстаке висела синяя униформа в пятнах машинного масла – наверняка Адам занимался ремонтом и обслуживанием всей той техники, которую Барр видела на территории лесопилки. Лестница на второй этаж была закрыта крышкой люка. Она была тяжёлой на вид, словно хозяин в целях безопасности заdraивал все пути наверх. Оставив на верстаке диски, Бишоп отпер люк и подал Эллен руку, помогая забраться по крутым ступенькам.

Наверху было теплее, чем на первом этаже, Барр сняла куртку и осмотрелась. Дом не показался ей ни уютным, ни обжитым, скорее он походил на крепость: на окнах были толстые деревянные ставни и дверь, выводящая на внешнюю, пожарную лестницу, оказалась заложена кирпичом. В комнате не было ничего лишнего, кроме камина, украшенного лепниной – его часто использовался по назначению, судя по свежей золе. Напротив камина стояли стол и диван, на который Эллен почти упала, откинув голову на спинку.

– Есть хотите? – донеслось с кухни, отделенной от комнаты лишь фанерной перегородкой, на что Эллен промычала что-то невнятное.

Барр не хотела ничего, лишь закрыть глаза и оказаться снова в норме. Она не владела своим телом: нервное напряжение и усталость физическая измотали её до предела. Разум отказывался впитывать новое, язык комом застыл во рту, а на глаза против воли напозлали отяжелевшие веки. Эллен завалилась на бок, едва не упав с дивана, и заснула. Последнее, что она почувствовала – чужие заботливые руки, которые аккуратно отодвинули её от края и укрыли пледом.

Эллен проснулась, услышав возню на кухне. Умопомрачительно пахло свежим кофе; она осторожно поднялась с дивана и заглянула за перегородку. Адам варил кофе над мерно шипящей газовой конфоркой, он был в простой серой футболке, и ткань её натягивалась слишком сильно, подчеркивая широкий разворот плеч, острые грани лопаток и мышцы спины, вышколенные тяжёлым физическим трудом. У него были красивые руки, покрытые густой сетью тёмных волос. Эллен поймала себя на мысли, что бессовестно разглядывает его. Адам почувствовал, что на него смотрят. Он обернулся, поприветствовал её молчаливой улыбкой и вернулся к процессу.

При свете дня Адам Бишоп оказался непростительно хорош. Эллен одернула себя, стараясь вернуть себе деловой настрой. Она приехала сюда, чтобы найти брата, не более.

– Сколько времени?

– Почти двенадцать. У меня перерыв, – ответил Бишоп, снимая с огня турку.

Вчерашнее странное происшествие с собаками осталось в памяти бледным отпечатком, незначительным событием, от которого разум старался избавиться, потому что не понимал. Гораздо ближе ему были более объяснимые и очевидные вещи, например, голод. Эллен убедила себя, что придавала слишком большое значение этому эпизоду. Она снова чувствовала себя в безопасности.

Запах кофейных зерен туманил мозги, ровно как и мужчина, который ловко управлялся на кухне. Эллен невольно задумалась, есть ли у него вообще недостатки. «О чём ты думаешь, Эллен, совсем с ума сошла?» – Барр потеряла заспанное лицо, стремясь избавиться от дурного наваждения.

– Зря вы меня утром не разбудили, – в её голосе сквозили нотки недовольства, но Адам, казалось, не услышал их.

– Поверьте мне, я пытался, – он лишь плечами пожал. – Будете кофе?

Непробиваемый. Казалось, он не ощутил, как Эллен ощерилась, будто сама себя наказала за неуместные мысли. Ей положено скорбеть. Она потеряла семью, мужчину, поставила под угрозу карьеру и своё будущее, но отчего-то в присутствии Бишопа всё это терялось на дальнем плане. Он занимал собой всё пространство маленькой кухни, но не вытеснял её, а обволакивал

своим теплом, пониманием и невероятным магнетизмом, который Эллиен почувствовала ещё тогда, в лесу. Хорошо и спокойно – именно так она ощущала себя рядом с ним, и это её злило. Ей не может быть хорошо, пока она не найдёт Натаниэля.

Бишоп варил изумительный кофе. Она проглотила остатки завтрака почти не жуя и ощутила, что наконец приходит в относительную норму. Посторонние мысли вытеснил железный самоконтроль и желание поскорее достигнуть цели.

– Я отведу вас к шефу, пока он еще здесь, – Адам окинул её придиричивым взглядом с головы до ног, задержавшись на груди у глубокого выреза майки, оголившей плечо, и на ногах, обтянутых в узкие, рваные джинсы. – У вас что-нибудь другое есть?

– А что не так? У вас дресс-код? – Эллиен не находила свой внешний вид развязным, ей было удобно в этом и колкость сорвалась с языка сама собой.

– Оденьтесь потеплее, там холодно сегодня, – Эллиен снова почувствовала жгучий стыд. Она восприняла его слова в штыки, а Бишоп всего лишь в очередной раз заботился о ней.

При свете дня лесопилка напоминала муравейник. Под навесами рабочие делали распил, грузчики складывали пиломатериал в вагоны, вдалеке, у распахнутых настежь ворот КПП с машин выгружали цельные сосновые бревна. Эллиен шла вслед за Бишопом к административному корпусу, возле входа в который толпилось несколько человек. У её лица клубился пар, кончик носа и щеки кусали утренние заморозки, Барр натягивала манжеты рукавов на ладони, пытаясь согреться. На её голые колени откровенно пялились рабочие. Они цокали языком и растягивали рты в слащавых улыбках, а Барр куталась в утепленную кожанку и прятала лицо в меховом вороте, отбивая назойливый интерес злыми взглядами исподлобья. Бишоп оказался прав и здесь – будь она в безразмерной спецовке и сапогах, то привлекла бы гораздо меньше внимания.

– Это Эллиен. Я говорил о ней вчера.

Адам привёл её к высокому худощавому мужчине. Он снял перчатку и протянул ей руку.

– Эйдан Хилл. Рад познакомиться.

На вид Хиллу было не больше сорока, он был жилист, энергичен, в его светлых глазах горел огонь юношеского азарта и страсти к делу. Его истинный возраст выдавали лишь рано поседевшие виски.

– Адам, там лебедку заклинило, проверь, – Хилл махнул рукой в сторону КПП, где шла разгрузка. В его голосе не было приказных ноток, казалось, он просил его об услуге. Адам молча кивнул головой и направился в сторону ворот, по ходу надевая рукавицы.

– Бишоп говорил мне о вас. Тяжёлая дорога была, да? – он сочувственно улыбнулся ей, словно плохое расположение лесопилки отчасти было его виной, как хозяина.

– Да, – Эллиен передёрнула плечами, вспоминая, что могла бы погибнуть там. – Если бы не Адам...

– Да уж, это везение. Бишоп у нас незаменимая единица, мастер на все руки. Он достался мне в наследство, как и большинство рабочих.

За недолгое время пребывания Хилл ещё не успел заработать авторитет, а вот у Бишопы он был несомненным. Барр посмотрела в его сторону. Рабочие обступили его, наперебой рассказывая свои версии случившегося, а водитель погрузчика виновато чесал затылок. Казалось, рабочие держались на уважительной дистанции, избегая панибратства, которое щедро проявляли друг к другу, словно эта его необъяснимая внутренняя сила действовала на всех без исключения.

– Знаете, я купил предприятие полгода назад. Бывший хозяин очень спешил избавиться от него, и я забрал его по дешевке. Тут был полный бардак. Кадровую документацию я сдал в архив, мне не до неё было. Имя мне не знакомо, наверное, ваш брат работал здесь до меня.

Они неспешно шли вдоль длинного ряда построек с проржавевшими от времени табличками на фасадах, и Барр ощущала, как нарастает тревога с каждым пройденным шагом. Она словно ткнулась лбом в тупик: единственный человек, который мог помочь ей, не знал ничего.

Пахло кухней. Из хозяйственного корпуса вышла немолодая темнокожая женщина: она несла в руках ведро, полное мутной, горячей жидкости. Кивнув Хиллу в знак приветствия, она недовольно взглянула на Эллен и следом вылила содержимое прямо на землю. От мокрой земли за клубился пар и лёгкий, сизый иней растаял, оставив после себя чёрную прогалину, словно дыру в земле. Опрашивать рабочих без фото не имело смысла, ведь даже Бишоп, родившийся в Форт-Келли, не слышал его имени. Другие фото хранились в «облаках», и при отсутствии интернета к ним невозможно было пробиться. Нужно было срочно возвращаться за машиной и чертовой папкой, иного варианта она не видела.

– Слушайте, Эллен. Мне жаль, что я не могу помочь вам сам, но если хотите, оставайтесь здесь, я дам вам жильё и доступ к архивам.

Эйдан Хилл искренне сочувствовал ей, но от этого было ничуть не легче. Эллен не хотела оставаться здесь, надеясь, что её вопрос решится быстро. Взяв незапланированный отпуск, Барр клялась, что сдаст все незавершенные проекты по электронке, но наличие связи здесь было под большим вопросом. Она достала телефон. Ничего не изменилось, индикатор всё так же беспомощно искал сеть.

– Как вы без телефона обходитесь?

– У шерифа есть проводной. Если кабель исправен, то можно звонить хоть на Аляску.

– Про интернет можно не спрашивать?

Хилл лишь виновато пожал плечами. Эллен просто не представляла, как будет жить здесь без него. Спасало лишь то, что перед поездкой она догадалась сделать копии текстов на жёсткий диск ноутбука. Жаль, что не догадалась сделать то же самое с фотографиями Нэйта.

– Как вы оплачиваете счета?

– Я езжу в Портленд раз в месяц. Восемь часов в одну сторону, – устало вздохнул он. Его не особенно устраивал такой расклад, но, казалось, что-то изменить Хилл был не в силах.

Он остановился возле длинного, как поезд, здания. Оно было жилым: на окнах кое-где висели простые марлевые шторы и жалюзи, на подоконниках стояли жухлые цветы, пепельницы и прочий мелкий бытовой хлам. Стёкла остальных окон были покрыты толстым слоем пыли, а внутри царила вечная ночь, настолько они были черны. Кирпичная кладка по углам неумолимо превращалась в труху и сыпалась, оседая на растрескавшемся от времени фундаменте жёлтой пылью.

– Если хотите, можете остановиться в общежитии, там есть изолированные комнаты, но ванна и туалет одни на этаж. Еще можете занять таунхаус, правда через всю территорию придётся идти. Или вы передумали?

Хилл взглянул на неё и нахмурился. Наверняка на её лице отражались все оттенки чувств от отвращения до отчаяния. Она побывала в доме Бишопы, и ничего, кроме самого Бишопы, не вызвало у неё положительных эмоций. Она не имела понятия, как работает газовый баллон, как вскипятить себе воду, как отрегулировать отопление и температуру воды в душе, несмотря на то, что выросла в коттедже. Уровень удобств в пригороде Берлингтона был несравним с полудикарской жизнью в Форт-Келли, но перспектива стоять в очереди в душ вместе с рабочими, которые глядели на неё, как на кусок мяса, прельщала её гораздо меньше.

– Таунхаус, – выдохнула она, словно подписала себе приговор. – А чтобы передумать, мне, как минимум, надо забрать и отремонтировать машину. Я остаюсь.

Слова сходили с языка против воли. Что-то внутри яростно сопротивлялось этому – будь она на колёсах, то немедленно уехала бы в мотель на трассе, о котором говорил Бишоп, арендовала бы внедорожник и лучше бы разорилась на горючем, мытарясь туда и обратно, чем

осталась здесь. Частокол дремучего леса казался ей стенами ямы, в которую она угодила из-за своего упрямства, и можно орать сколько угодно: никто не спасёт.

Влажный, насыщенный дух свежеспиленных брёвен с трудом добирался до лёгких, словно вычищал осевшую на слизистой копоть городского смога. Голова кружилась, а кончики пальцев замерзли так, что она почти не чувствовала их, несмотря на то, что температура воздуха едва колебалась у отметки ноль градусов.

– Хорошо, завтра я еду в «Белый дом», захвачу вас с собой, покажу, что и где. За машиной поедете с Бишопом и Джо, сразу, как они освободятся.

– Спасибо.

Эллен понимала отчасти, почему местные воспринимали Хилла не слишком серьёзно: он был добросердечен и искренен, хотя тем бестолковым увальням, которые пялились на её колени, требовался хороший кнут, никак не пряник. Таких людей редко везёт встретить: в её мире гнались за выгодой, будь то работа или удачный брак, и не разменивались на помощь ближнему. Наверное, Барр и сама была такой – она не помнила, когда в последний раз со времен колледжа заводила близких друзей. Держать душу на замке стало неистребимой привычкой с того дня, когда в их доме поселилось горе. Она не представляла, насколько сильна окажется боль потери, и что иметь близких станет слишком большой роскошью.

– Не благодарите. Сожалею о вашем брате. Надеюсь, он найдётся.

Эллен надеялась тоже.

Из двенадцати домов были заняты лишь три: в них жили Бишоп, сам Хилл и фельдшер – в том же доме он принимал пациентов. Барр получила ключи и бросила вещи на пороге. Она решила, что не станет распаковывать чемодан и раскладывать вещи по полкам старого пыльного шкафа: она всё ещё надеялась, что не задержится здесь долго.

У ворот стояла небольшая платформа с лебедкой, Бишоп и коренастый мужчина с седой бородой проверяли работоспособность механизма. Мужчина оказался тем самым Джо, о котором говорил Хилл. Он был вальщиком – Эйдан снял его со смены чтобы помочь с погрузкой «Шевроле». Эллен сидела сзади и почти не слышала, о чем они говорят. Джо бубнил, хохмил и рассказывал байки, поворачиваясь к ней, чтобы перевести профессиональный жаргон на человеческий язык. Барр натянуто улыбалась ему в ответ, изредка ловя на себе взгляд Бишопы в зеркале заднего вида.

Днём здесь всё выглядело иначе, Эллен ни за что не смогла бы найти место сама. Неровная дорога, бормотание Джо и бесконечная темно-зелёная стена вызывали у неё приступ тошноты и сонливости, но когда Адам вдруг резко ударил по тормозам, она едва не вскрикнула от неожиданности.

– Что за...? – Бишоп быстро вышел из машины и направился к поляне. Эллен поспешила за ним, едва не свалившись с высокой подножки.

– Чёрт! – она припала на колено, потеряв равновесие. В кожу впилась сухие иглы, а штанина измазалась в грязи. Барр поспешила подняться и отряхнуть руки, пока Адам в очередной раз не ринулся её спасать.

Но ему, казалось, было не до неё. Бишоп был напряжен до последнего мускула, его огромные ладони были сжаты в кулаки, а желваки вздулись на острых скулах. Он прищурился, вдыхаясь вдаль и повёл носом, словно хищник, пробующий воздух.

– Адам, ты чего застыл? – нетерпеливо вскрикнул Джо. – Тут же нет ничего!

– В том то и дело, – глухо откликнулся Бишоп, и у Эллен внутри всё сжалось в тугую ком. – Машины здесь нет.

– Не поняла, – Эллен кашлянула, прочищая горло.

– Её здесь нет, – повторил Адам, не глядя на неё. Ничего не объясняя, он отправился вглубь редкого подлеска, бесконечно сканируя взглядом округу от земли до неба. За напряженной отстраненностью и холодной сосредоточенностью Эллен едва могла разглядеть того

Бишоп, который спас её вчера на этом самом месте. Он изменился так, что Барр растерялась. Взбудораженный разум отказывался принимать действительность – «Шевроле» в самом деле не было на месте.

Когда широкая спина Бишопа исчезла за тощими стволами подлеска, Джо бросился вслед. Едва Эллен сделала шаг за ним, грубый, суровый окрик Адама буквально пригвоздил её к почве.

– Оставайтесь у машины. Заблудитесь. Ещё вас искать.

Она влезла на переднее сиденье с ногами и со злости оглушительно хлопнула дверью. Ожидание превращалось в пытку. Пустой желудок неумолимо подбирался к горлу, а кончики пальцев на ногах в тонких кожаных сапогах немели от холода. Эллен пробралась на место Бишоп, завела мотор и выкрутила колесико печки на максимум, подставляя потокам воздуха замерзшие руки. Она глубоко дышала, уговаривая себя, что Адам просто ошибся местом. Когда две фигуры снова появились на поляне, Барр вышла им навстречу.

– Следов шин нет, обломков нет. Она что, вверх поднялась?! – Джо пинал вздыбленные комья земли и скрёб затылок под кепкой. Адам молчал.

Эллен тщетно пыталась попасть в фокус его взгляда: он был рассеян и направлен куда-то внутрь. Черты его лица осунулись и словно заострились. Казалось, он был полон глухой злобы, не имевшей выхода, и Барр поняла, что эта перемена её пугает.

– Я отвезу вас к шерифу, оформите угон, сядете на поезд и доедете до Портленда, а потом отправитесь домой. Полиция штата займётся машиной. Вашего присутствия не требуется, – сухо отчеканил Бишоп, смотря куда-то поверх её головы, и направился к машине.

– Бишоп, не указывайте мне, – Эллен повысила голос. Она не могла уехать, не взглянув на архивы. Не разобравшись, что за дерьмо здесь только что произошло. – Пока я не решу свои вопросы, я никуда не двинусь. Это вы обещали мне, что машину никто не тронет. Откуда мне знать, может это ваших рук дело?!

Джо подавился воздухом и замолк, Адам взглянул на неё, но в его глазах не было ни гнева от несправедливого обвинения, ни желания послать её к чёрту с её проблемами. В них была горечь, сожаление и тревога.

– Зря вы приехали, Эллен.

До самых ворот КПП никто из них не произнёс ни слова.

Глава 4

Когда, они заехали на лесопилку, чтобы Эллен взяла документы, Эйдан Хилл вызвался сам отвезти её к шерифу. Лесопилку от поселения разделяла пара часов езды на машине, но технически они были едины, имели одно название и почтовый адрес. Эйдан рассказал, что раньше городок был больше и предыдущие хозяева каждое утро и вечер пускали по этой дороге автобус для местных рабочих, чьё жильё было в городке. Приезжие вальщики оставались жить прямо на лесопилке в течение всего сезона.

У Хилла был здоровенный «Шевроле Тахо», сплошь в шлепках грязи по всему кузову, потому что ближайшая мойка была лишь на объездной трассе в нескольких часах езды. Эллен сидела впереди, обдумывая то, что сегодня случилось. Она не знала, кому верить. Исчезновение машины не на ходу посреди глухого леса было настолько странным, что не укладывалось в голове. Этому не было объяснения. Нет, она не винила в этом Адама – он просто попался под горячую руку – Эллен злилась на него за то, что он посмел принять решение за неё. Она вернулась бы на лесопилку из принципа, лишь для того, чтобы ему досадить, но Барр не хотела возвращаться. Удаляясь от территории всё дальше, она ощущала безотчетное чувство облегчения, словно это место было окутано какой-то необъяснимой, гнилой аурой.

Собаки, сидевшие теперь на цепи у КПП, облаяли машину Хилла на выезде с территории. Эллен взглянула на их ощеренные пасти. Они рвались вперед, натягивая цепи, вставляли на задние лапы и пытались дотянуться до авто. Псы были крупные, на массивной шее и груди бугрились мышцы, уголки обрезанных ушей стояли торчком – они походили на бойцовых собак. Барр надеялась, что цепи достаточно крепки, чтобы выдержать такую мощь.

– Дикие какие-то, чтоб их, – выругался Эйдан и ткнул пальцем в их сторону. – Вон та сука мне в первый день прокусила ногу. Я сказал привязать их, пока не привыкнут, и выпускать только ночью.

Эллен вспомнила свою первую ночь в Форт-Келли, когда эти звери едва не загрызли её. Если бы не Бишоп, чёрт его дери.

– Зоозащитники бы вас засудили.

– Меня бы засудил любой юрист, – он усмехнулся. – Это питбули. Они запрещены здесь.

Так что я кругом выхожу виноватым.

– Почему бы их не усыпить, раз они такие неадекватные?

– Они хорошо знают свою территорию. Зачем избавляться от такой отличной охраны?

Да и какой правозащитник сюда сунется?

– А вы рискованный, Эйдан, – Барр улыбнулась ему.

– Я веду бизнес, а бизнес – это всегда риск, – Хилл тепло улыбнулся ей в ответ.

Ей не хватало такой вот непринужденной беседы с человеком, от которого её не бросало то в жар, то в холод, как то было с Бишопом. С Хиллом она могла держать себя в привычных рамках, а не ловить свои эмоции в диапазоне от блаженного спокойствия до лютой ярости. Бишоп и даже отголоски мыслей о нём вызывали какой-то необъяснимый зуд под рёбрами и даже расстояние не могло этот зуд угмонить. Её мучила недосказанность, вопросы и отчасти совесть за то, что сорвала на нём зло. Её мучил Адам Бишоп целиком, словно острая заноза, засевшая в мозг.

– Вы сказали, предыдущий хозяин хотел поскорее избавиться от предприятия?

– Да, я забрал его в полцены.

– Вам не показалось это странным?

– Поначалу да, – согласился Хилл. – Техника исправна, бумаги в порядке, долгов нет. Далековато, конечно, от основных точек сбыта, но зато здесь нет конкурентов, – он пожал

плечами, вырвав с неровной тропы на грунтовку. – Я не понимал, зачем так спешить с продажей.

– Он назвал причину?

– Сказал, это личное. Я не стал вдаваться.

Эллен задумалась. Какие причины могли заставить предыдущего хозяина бросить с виду вполне доходное дело? Их могло быть море, не только ведь дрянная атмосфера, которая угнетала Барр всю дорогу. В этом чертовом месте у неё угнали машину, здесь она потеряла документы, которые родители так тщательно собирали на протяжении семи лет. Ей казалось, что она упорно карабкалась на вершину скалы без страховки, а теперь сорвалась и летела вниз, в бездну, не имея возможности зацепиться хоть за что-нибудь и удержаться. Она застряла здесь. Застряла так, что поиски брата перестали быть для неё задачей номер один – Эллен хотела разобраться с тем, что происходило сейчас лично с ней.

– А теперь всё в порядке?

– Я бы не сказал, что всё гладко, но трудности всегда были и будут, правда? – Эйдан улыбнулся ей, и в его светлых глазах мелькнула тень усталости. Он чего-то не договаривал ей, но Барр не винила его в этом. Они знакомы считанные часы, было бы странным, если бы Эйдан Хилл вдруг вывалил на неё все свои проблемы.

Лес редел. Спустя ещё десяток миль они выехали на открытую местность. Грунтовка сменилась дорогой, покрытой старым асфальтом, а подлесок остался позади. Они ехали по сухой пустоши вверх, движок рычал, словно машина поднималась из глубокого оврага. Впереди простиралась линия горизонта, укрытая далёкими шапками сосен, будто одеялом. Вдалеке Эллен разглядела красные, жёлтые и белые пятна – крыши зданий.

– Здесь в тридцатые была бесконтрольная вырубка, – Хилл объяснил ей появление этой проплешины посреди глухих лесов. – Там дальше федеральная трасса, автозаправка и мотель. Чуть ближе к цивилизации, но всё равно бесконечно от неё далеко.

Он улыбнулся ей с долей грусти и сочувствия: Хилл понимал, насколько непривычны ей эти условия.

Дома, расположенные ближе к лесу, были брошены, и жизнь теперь была сосредоточена в плотном кольце зданий, окружавших центр городка. «Белым домом» местные с иронией, называли единственное административное здание в городе. В нём был полицейский участок, пожарная часть, отделение почты, архивы и библиотека, здесь работал глава города, проходили выборы, заключались браки, регистрировались смерти и рождения и при всём при этом здание по меркам Эллен был совсем небольшим.

Оно находилось на главной площади, которую можно было обойти пешком за пятнадцать минут. Барр ощущала себя Гулливером в стране лилипутов, но несмотря на это городок казался ей светлым и полным воздуха после Форт-Келли, который столетние сосны окружали плотной стеной, давившей на нервы своей герметичностью. Чуть дальше была железнодорожная станция, на которой, по всей видимости, работали те немногие, кто не был занят на лесопилке.

– Здесь вообще есть можно? – Эллен ткнула пальцем в сторону блеклой вывески «Закусочная». За прозрачным панорамным окном виднелись аккуратные столики и официантка в жёлтой униформе, снующая между ними.

– Я ещё ни разу не отравился, – обнадежил Хилл. Эллен решила рискнуть, пока Эйдан занимался своими вопросами и искал шерифа.

Она спрыгнула с подножки и не спеша пересекла площадь. Уборщик мёл подгнившие листья, пожилой мужчина, прозвенев звонком, проехал мимо на велосипеде, две женщины средних лет оживленно общались возле продуктовой лавки, и все, как один, мигом оторвавшись от своих дел, уставились на неё во все глаза. Эллен почувствовала, что попала на территорию африканского племени, где никогда не видели белых, и, спрятав лицо в воротник куртки, толкнула дверь.

Запах свежей выпечки, ванили и кофе окутал её густым туманом. Казалось, в маленьком, уютном помещении рассеяна мука: мягкий, желтоватый свет, струящийся из низких абажуров, прозрачные, чистые шторы на окнах, тёмная цельнодеревянная мебель и обшивка стен создавали ощущение уютной кухни, где на закате дня собралась поужинать семья. Здесь работали две официантки – помладше и постарше, и та, что постарше, с искренней улыбкой проводила её за свободный стол и подала меню. Эллен взглянула на вторую: молодая блондинка в униформе, которая была тесна ей в груди и коротка по длине. Барр удивилась, что из этого городишки удрала ещё не вся молодёжь.

Меню не блистало разнообразием: фастфуд, газировка, три вида кофе и несколько позиций более-менее здорового питания, которые следящая за фигурой Эллен предпочитала в первую очередь. Сделав заказ, она в очередной раз достала телефон, чтобы вновь убедиться в его бесполезности.

– Не было ли в вашем роду коренных американцев, юная леди? – послышалось сзади, и Эллен немедленно обернулась.

За соседним столиком сидел мужчина. Его тёмные глаза улыбались и вокруг них вилась сеть глубоких морщин; в гладких, чёрных волосах, зачесанных назад, серебрились нити седины. Под серой рубашкой скрывался круглый живот, а к нагрудному карману куртки, лежащей на соседнем стуле, был прикреплен значок шерифа. Коренным американцем был он сам – яркий отпечаток принадлежности к потомкам одного из местных племён повторился в чертах его лица.

– Нет, моя мать из Пуэрто-Рико, – ответила Барр.

– Она подарила вам удивительный цвет кожи и глаза, – произнёс он, и Барр рассеянно кивнула, искренне не понимая, что удивительного в чертах обыкновенной латиноамериканки. Возможно, мужчина просто нашёл повод с ней заговорить. – Генри Нильсен, шериф округа Форт-Келли.

Он склонил голову в знак приветствия, а Эллен, сидящая к нему в пол оборота, развернулась полностью, скрипнув ножками стула по полу.

– Я как раз искала вас. Меня зовут Эллен Барр, и я хотела бы заявить об угоне машины.

Шериф посмотрел на неё серьёзно и пристально. У него были совсем чёрные глаза, его острый, волчий взгляд с прищуром, казалось, пробрал её до костей. Наверное, это профессиональное. Эллен хмыкнула – с таким сканером вместо глаз ему не требовалось снимать отпечатки.

– Что ж, Эллен, – он вздохнул, его взгляд смягчился и в голосе появились нотки сочувствия, – давайте расправимся с нашим обедом и пойдём в участок.

Возле «Белого дома» был припаркован полицейский «Форд» родом из восьмидесятых. Эллен, плетясь следом за Нильсеном, смотрела на сине-белый кузов, словно на ориентир, стараясь не замечать косых взглядов.

– Здесь всего восемьдесят пять человек живут, все друг друга знают и приезжие вызывают у них живой интерес, – пояснил шериф, заметив, как Эллен едва ли не ощерилась, раздражаясь от назойливого внимания всё сильнее с каждым шагом. – Скоро они привыкнут к вам.

Его слова Барр не обнадежили: она не была уверена, что привыкнет сама. Ей вовсе не хотелось привыкать здесь.

– Почему Форт-Келли, откуда такое название?

– Это бывшая военная база, – пояснил шериф, подтверждая её догадки. Название, расположение зданий, вышка на КПП и колючая проволока, которые Эллен рассмотрела при свете дня, скорее принадлежали военному, нежели промышленному объекту. – В начале семидесятых военные вывезли отсюда весь личный состав и технику, оставив голые стены. Землю выкупили под лесопилку, а название так и осталось.

– Как часто менялись хозяева?

– После двадцатого я сбился со счёта, – усмехнулся Нильсен и повернулся с ней. – Почему интересуетесь? Хотите её купить?

Он по-доброму рассмеялся, стараясь разрядить обстановку и отвлечь её от липких, неприятных взглядов местных. Эллен натянуто улыбнулась в ответ.

– Я ищу своего брата. Это второе, о чем я хотела с вами поговорить.

Аккуратно заполняя бланк заявления на угон, Эллен в сотый раз рассказывала свою историю. Шериф внимательно слушал, мрачняя с каждым произнесенным ею словом всё больше и больше. Отказ детектива Дэлино, машина, папка с документами – она проговаривала это вслух и все происшествия становились в ряд, нанизывались, словно бусины на нить, выстраивались единой картиной в её голове. Эллен не хотела верить в свою новую теорию, которая сложилась неожиданно для неё самой: ей кто-то намеренно мешал. Барр решила, что рассмотрит этот вариант, когда не останется других. Она надеялась, что ошибается.

Когда Эллен вышла из участка, уже вечерело. «Тахо» поблизости не было – наверное, Хилл закрутился и забыл о ней. Нарастающее чувство паники остановил Нильсен, который вышел следом за ней.

– Садитесь, Эллен, – шериф махнул ей рукой, приглашая сесть в полицейское авто. – Поедем опрашивать свидетелей.

Барр предстоял обратный путь. Снова в глухой лес по глухой неровной дороге, вдоль которой не было ни единого фонаря, и видит Бог, она не хотела возвращаться и не хотела никому ничего доказывать. Бишоп был прав, она приехала зря, лишь нажила себе проблемы, которые росли, словно снежный ком. Но все её вещи остались в таунхаусе, у неё не было иного выбора. Эллен пообещала себе поискать комнату в городе, сразу как снова окажется там.

Опрос лесорубов без фотографии не имел особого смысла. Его имени никто не помнил, под описание подходил каждый третий рабочий, а знать по пальцам всех тех, кто проходил через лесопилку в течение всех этих семи лет – а их было много – не могли даже самые внимательные старожилы. Белый Шевроле Круз купе также никто не видел. Без толку помотавшись по территории до самых сумерек, шериф подбросил её до таунхауса, пообещав обратиться в управление за копией личного дела Натаниэля. Фотографию он надеялся взять оттуда, пока ищется машина и папка. Ехать обратно в город прямо сейчас она была не готова – вещи в беспорядке валялись по постели, да и шериф отчего-то не поддержал её, ссылаясь на скорое наступление ночи.

– Как только что-то появится, я сразу сообщу вам, – Нильсен взялся за козырёк фуражки, прощаясь с ней. Эллен сиротливо осталась на крылечке, обняв себя за плечи.

Было холодно. Усталость и тревога, которые в городе ощущались не так остро, здесь навалились на неё с новой силой. Ей не хотелось двигаться с места: от одной лишь мысли, что придётся обустроиться на ночь в холодном, мрачном доме, который мало напоминал жилой, у неё опускались руки. Барр вздрогнула, увидев на противоположной стороне дороги тёмную фигуру, которую скрывал только что отъехавший «Форд» шерифа.

– Всё-таки решили остаться? – тень говорила голосом Бишопы, и Эллен выдохнула с облегчением. За последние сутки она стала слишком пуглива.

В тоне его голоса не осталось и налёта той глухой ярости, полыхавшей внутри него тогда в лесу, словно ядерное топливо за толстым слоем бетона. В его ссутуленной спине, в руках, опущенных вдоль тела, будто плети, сквозило сожаление и горечь. Казалось, он разочарован её решением.

– Ненадолго, – грубо отрезала Эллен, развернулась к нему спиной и попыталась нашарить в карманах ключ. Она вывернула подклад, похлопала по нагрудным карманам и залезла в джинсы, но тщетно – проклятого куска металла не было нигде.

– Вы забыли вчера в замке, – Бишоп подошёл к ней со спины бесшумно, и Эллен снова вздрогнула, увидев его так близко. Он протягивал ей ключ.

Хотелось биться лбом в дверь с досады: видимо вчера она поторопилась и не вынула его из замочной скважины. Барр надеялась, что тот, кто украл её машину, не успел обшарить её вещи. Она так разозлилась на себя, что не сумела сдержаться, обрушив своё раздражение на Бишопа потоком грубостей.

– Послушайте, не надо нянчиться со мной, Адам. Я в состоянии сама... – Эллиен запнулась на полуслове, понимая, что врёт сама себе. Ни черта она не в состоянии. Ей, привыкшей полагаться только на себя, сложно было принимать чью-либо протянутую руку, а резкая смена его настроений сбивала с толку и пугала: ещё утром Адам желал ей поскорее убраться из города, а сейчас снова бросается ей на помощь.

– Пойдемте, разберёмся со светом и отоплением, – он вздохнул и покачал головой, словно понял и принял причину её злости, которой отчасти являлся. Эллиен так и не взяла ключ из его рук, и Бишоп отпер дверь сам.

– Первый этаж не жилой из-за хищников, – пояснял он по пути. Плетясь за его широкой спиной, Эллиен почти ничего не видела впереди; она глядела под ноги, стараясь не наступить. – По плану тут была кухня и гостиная, а сейчас котельная и гараж.

– Хищников?! – изумилась Барр, застыв на пороге, готовая бежать прочь сию же секунду, если ответ ей не понравится.

– Волки, лисы. Прочее мелкое зверье. Сейчас их почти нет, но однажды – мне лет десять было – волки загрызли всех собак на территории. С тех пор это меры предосторожности.

Он зашёл в подсобку и щелкнул несколькими реле. В прихожей и котельной зажглись тусклые пыльные лампочки.

– Вот здесь регулятор мощности, если замёрзнете – прибавите тепло.

Адам тщательно и терпеливо пояснял ей назначение каждой кнопки, индикатора и реле в электрощитке и на бойлере, но слова пролетали мимо, превращаясь в массу непонятных слов. Дома они с матерью никогда не сошлись ни в подсобку, ни в подвал: отец считал, что обеспечение комфорта своих женщин только их с Нэйттом дело, а в отелях и на съемных квартирах, где она жила в последние семь лет, думать об этих вещах не приходилось совсем. Но сейчас, когда в этих знаниях появилась жизненная необходимость, Барр не могла сосредоточиться на объяснениях: дикие волки и разодранные глотки собак стояли у неё перед глазами алыми пятнами. Ей живо представлялось, как хищник лезет в окно, которое забыли запереть на ночь, и от одной этой мысли хотелось по-детски вцепиться Адаму в рукав и умолять его остаться.

Бишоп двигался в тесной подсобке, как тот огромный тягач на мелком пяточке парковки: ему было тесно, низкий потолок давил на макушку, а широкий разворот плеч не вмещался в бетонную коробку помещения и с каждым движением задевал пыльные серые стены. Эллиен не понимала его, но что-то внутри против воли жаждало расставить все точки над *i*, иначе она просто не сможет заснуть.

– Почему вы делаете это? – Адам непонимающе взглянув на неё и Эллиен уточнила вопрос. – Вы чётко дали мне понять, чтобы я проваливала отсюда.

– Нет, это не так, – наклонив голову, чтобы не удариться об косяк, Бишоп вышел из подсобки.

Эллиен заметила, что он всё ещё был в рабочем комбинезоне, надетом поверх рубашки в клетку, и на нём снова не было куртки, словно холод поздней осени не брал его. Но даже эта синяя, потертая ткань не скрывала мощи и стати его фигуры, и Эллиен неотрывно смотрела на его длинные, красивые пальцы, когда он доставал из кармана ветошь, чтобы вытереть руки от масла и пыли. Во рту становилось сухо, а сердце застучало где-то в висках, заглушая посторонние звуки. Эллиен невольно сделала шаг назад. Эта вынужденная близость путала ей мысли, и ей не нравилось то, как её тело на эту близость откликалось.

– Я не хотел бы, чтобы вы здесь задерживались, Эллен. – Он стоял напротив неё, опустив глаза, и не спешил отвечать, будто подбирал верные слова. – Вы хорошая девушка. Я не хочу, чтобы здешние проблемы становились вашими.

– Они уже стали моими, Адам, – она с жаром прервала его, открыто намекая на угнанную машину и потерянные документы.

– Ещё нет... – Бишоп вздохнул и снова опустил глаза. Он чего-то не договаривал, но Эллен не понимала, что может быть хуже того, что уже произошло с ней в этом чёртовом месте.

– Я не уеду отсюда, пока не получу ответы, – она снова решительно отринула все сомнения, которые снова едва не овладели ей после его слов. – Здесь что, какая-то банда орудует?

– Мало кто хочет ехать в такую глушь. Рабочих не хватает, Хилл часто нанимает бродяг и бывших зеков. Для вас это не лучшее окружение, – он прикрыл дверь в подсобку и вышел на крыльцо. Эллен по инерции поплелась следом за ним. Она молчала, потому что словом «спасибо» уже натёрла на языке мозоль. – Если соберетесь в город, дайте мне знать.

Бишоп сбежал по ступенькам вниз, растворяясь в рассеянных вечерних сумерках. Эллен смотрела ему вслед и жадно запоминала его образ, словно он был спасительным маяком в будущей стихии, который вот-вот погаснет. Всегда одна, всегда сама по себе, цельная, не нуждающаяся ни в жилетке, ни в той пресловутой «половинке», о которой все так мечтают, Эллен Барр не узнавала себя. Ей хотелось, чтобы Адам остался.

– И если возникнут проблемы, помните, мой дом в самом конце, – обернувшись, напомнил он.

– Я боюсь ваших собак. Они похуже волков, – отозвалась Барр осипшим не то от холода, не то от волнения голосом.

– Я с ними договорился.

Он улыбнулся, и в его светлых, прозрачных, как две льдинки, глазах мелькнули озорные огоньки. Эллен почувствовала, как её губы против воли тянутся в ответной улыбке.

Бишоп ушёл, и щемящее чувство тревоги заполнило грудную клетку, распирая рёбра и грозя вылиться через край. Душа металась, мысли бились о черепную коробку пойманным в силки зверьём, но не предупреждение Адама пугало её, а то, что между ними происходило. Крылечко заиндевело, и холод, казалось, кусает пальцы даже сквозь подошву. Эллен отмерла, зашла в дом и закрыла дверь на замок.

В отличие от дома Бишоп вход на второй этаж не был похож на задранный люк – наверх вела обыкновенная винтовая лестница, откликающаяся скрипом на каждый её шаг. В ванной пахло сухой пылью и бетонной крошкой, душевой поддон проела ржавчина, а зеркало покрылось толстой коркой из мутных брызг, грязи и плесени. В этом доме не жили по крайней мере лет пять и привыкшие к влажности материалы высохли и пошли трещинами.

– Твою мать! – огромный чёрный жук скользнул под скол плитки, и Барр отпрянула к противоположной стене. – Возьми себя в руки. Это всего лишь насекомое, – проговорила Эллен своему отражению в зеркале, которого даже не видела. Гораздо больше её волновала антисанитария, царившая в ванной. Здесь необходим был клининг и дезинсекторы, но подобная роскошь вряд ли есть в такой дыре, как Форт-Келли.

Вернувшись в комнату, Эллен взяла металлический настил, лежащий возле камина, и бросила на дно душевой, чтобы не касаться его голыми ногами. Она вывернула краны, услышала как по трубам поднялась вода, увидела, как смеситель выплюнул ком ржавчины. Вода не успевала нагреваться, и полотенце, которое нашлось в чемодане, было слишком маленьким для густой копны её волос. Оно моментально превратилось в мокрую тряпку и Эллен пожалела, что в чемодане не нашлось фена. Ночью, сидя перед ноутбуком за проектом, который определенно теперь не сможет отправить в срок, она услышала, как уехали вагоны с пиломатериалом. Растворимый кофе, который она захватила на сдачу в кафе, жёг пищевод и был отвратительно дешёвым на вкус, но желание хоть как-то согреться пересилило отвращение.

Мысли о Бишопе не давали ей покоя, и текст на исландском языке превращался в сплошное месиво знаков. Она чувствовала, как кровь прилиwała к щекам, даже когда она видела его издали и как сбивалось дыхание, когда он подходил к ней ближе. Барр теряла контроль. Наваждение, с которым не было сил бороться – Эллиен приехала сюда не за этим, это было не то место и не те обстоятельства. Досада и стыд за чувства, охватившие её так некстати, не давали ей сосредоточиться: всё падало из рук, на чемодане заел замок и трясущиеся руки никак не могли зацепить молнию на сапогах. Ей нужен был ещё один холодный душ и полная изоляция от общества Бишопа. Она не станет принимать его помощь и тем более не станет сообщать ему о своих перемещениях. Лучше вовсе перестать попадаться ему на глаза, пока всё не зашло слишком далеко.

Глава 5

Эллен задремала только к рассвету и проспала почти до десяти. Утро выдалось солнечным. Она подставляла лицо тёплым лучам, пока плелась до столовой, о которой накануне ей рассказал Хилл. У неё не было времени закупать продукты и не было цели оставаться на лесопилке: найти комнату в городе она собиралась сегодня же. Свежий лесной воздух, приправленный запахом мороза, смолы и дыма прочищал разум, прогоняя вчерашние мысли. По ночам всегда в голову приходит дурное, и вину за вчерашнюю слабость Эллен возложила на темноту.

Эта тьма была оглушительно тихой, но была, словно живая. Субстанция, которая питает страхи и поднимает со дна души всё, что там было похоронено без права на воскрешение. Барр не привыкла к такой тишине. За её окнами всегда ревели сигнализация, рычали движки ночных автогонщиков, слышались смех, разговоры и музыка – всё, чем жил и питался мегаполис, питало и её тоже. За шумом толпы не слышно, как плачет душа, здесь же одиночество и боль потери, страх за себя и за брата, злость и сомнения обретали формы, цвет и запах так, что снова хотелось бежать. Что она и сделает. Собранный чемодан стоял за дверью, ключ лежал в кармане под молнией, и Эллен ждала, когда кто-нибудь кроме Бишопа соберется в город.

– Вы поздно.

Темнокожая женщина, которую Эллен увидела в первый день, мыла шваброй пол. Она легко лавировала между столами, несмотря на немалые габариты.

– Зайдите на кухню, я уже всё в холодильник убрала. Меня кстати Пэтти зовут.

– Очень приятно, – буднично выдавила из себя Барр. Хамоватая Пэтти, которая буравила её придирчивым взглядом, ей не нравилась ничуть. – Меня зовут...

– Эллен, я знаю. Брата ищете. А я-то думала, мистер Хилл мне помощницу нашёл, – фыркнула она, гремя стульями. – Кстати, если хотите место свободно. Я тут и за кухарку, и за посудомойку и за уборщицу...

– Нет, я здесь не за этим!

Барр резко прервала её жалобы. Место кухонной работницы при её диссертации по северо-германским языкам интересовало её в последнюю очередь. Казалось, Пэтти почувствовала её брезгливость: она едко усмехнулась, задрала подбородок и отвернулась от нее. Эллен отправилась на кухню в поисках кофеварки.

– Его зовут Натаниэль Барр, – крикнула она с кухни. Вчера, без толку мотаясь с шерифом по территории, Пэтти они не видели. Кухарка осталась недопрошенной. – Ему сейчас двадцать пять, но, возможно, выглядит моложе. Тёмные волосы, тёмные глаза, средний рост. Не помните его?

– Нет, не помню. Хоть бы фотокарточку показали.

– Фотографии пропали вместе с машиной.

Она проклинала себя за педантичность: на жёстком диске не было ничего лишнего и все необходимые файлы хранились в строгом порядке на виртуальных дисках. Барр не думала, что в мире ещё остались места, не охваченные всемирной сетью, и не могла представить, что однажды застрянет в одном таком.

– Тогда не знаю, как вы его найдёте, – она покачала головой, и вернулась к уборке. – Зато Адама нашли.

В тоне её голоса звучал неприкрытый намёк. Эллен вспыхнула, будто эти слова кольнули её прямо в болевую точку, но быстро взяла себя в руки.

– Не понимаю, о чём вы, – она вышла с кухни и остановилась напротив Пэтти.

– Ха. Да как же, – Пэтти скривила губы в ехидной ухмылке. Эллен захотелось с размаху пнуть её ведро, полное мутной грязной воды и заставить её ползать на карачках, вытирая огромную лужу. Её остановило лишь то, что такая дама, как Пэтти явно не останется в долгу.

Опускаться до бабской драки ей не хотелось совершенно тем более, по такой двусмысленной причине. Барр почувствовала себя гадко, словно её только что макнули лицом в грязь.

Помахав кому-то в окно, Пэтти оставила швабру и подошла к Эллен ближе.

– Только вот насчёт Адама не стройте планов. Он отсюда больше не уедет, да и вы не останетесь. Он хороший парень, не пудрите ему мозги зазря, – в её тёмных глазах не было ни желчи, ни пренебрежения, лишь беспокойство и тихая печаль. Казалось, Пэтти по-матерински заботится о Бишопе, усмотрев в Эллен угрозу его душевному равновесию.

Эллен задохнулась от возмущения. Ядовитый коктейль из стыда и злобы застил мозги, Барр не могла подобрать слов, чтобы убедить её в том, что она ошибается. И убедить в первую очередь себя саму. В её мире каждый тыкался в экраны своих смартфонов, отслеживая собственные успехи в виде лайков и фолловеров, а любимым хобби местных, по всей видимости, было наблюдать за другими.

– Как же, чёрт возьми, скучно вы живёте, – процедила она сквозь зубы, но Пэтти лишь улыбнулась ей в ответ.

Либо эта женщина слишком проницательна, либо у Эллен всё написано на лице. Барр отчаянно шарила по периметру взглядом – к тому, чтобы уехать отсюда как можно скорее прибавился ещё один повод.

Хлопнула дверь. В помещение вошёл Джо, а следом за ним Бишоп. Эллен потеряла глаза, надеясь, что его фигура, занявшая собой весь дверной проём вширь и ввысь, испарится, как дурной сон.

Казалось, Адам Бишоп был везде. Он постоянно находился в поле зрения, оказывался рядом в трудные минуты, будто ангел-хранитель. Он словно преследовал её, как преследовали навязчивые ночные мысли, и Эллен начинала понимать, что заставило Пэтти сделать такие выводы. Не бывает дыма без огня – в его глазах она увидела отражение собственных метаний. Не на её лице Пэтти прочла невысказанные чувства. Их осторожный интерес был взаимным.

– Салют, мисс, – Джо приподнял кепку и шуточно поклонился Эллен, а после подобрался к Пэтти сзади и резко протянул её к себе. – Как проживаете, моя лесная нимфа?

Лесная нимфа – последнее, с чем Эллен сравнили бы мощную поварику, да и сама парочка смотрелась весьма самобытно и местами даже комично. Пэтти была шире Джо раза в два, её насыщенно-кофейная кожа и чёрные волосы сильнее подчеркивали его розовато-бледное лицо и рыжую с проседью бороду.

– Они женаты, – с улыбкой пояснил Бишоп в ответ на скепсис и удивление, которые наверняка свободно читались на её лице. – Как ночь прошла?

Она боялась посмотреть ему в глаза, словно на их льдисто-голубом дне полыхал огонь, от которого у неё плавилась рёбра. Эллен блуждала рассеянным взглядом по его лицу от небритых щёк до тёплой улыбки и чуть выступающих вперёд клыков, от растянутого ворота майки, под которой виднелись тёмные волоски, до загорелых рук, питавшихся солнцем каждый день. Она отчаянно желала найти в нём хоть что-то отталкивающее, но не находила. Адам отнял у неё кислород и заменил его собой. Она тонула в нём, вязла, и чувство вины поедало её изнутри – всё, что с ней происходило, было неправильно, не вовремя, не к месту. Отчаянно не хватало пространства, хотелось бежать прочь на улицу, но его мощное тело отрезало ей пути отступления. Эллен оказалась в тупике между ним, стеной и рядом длинных столов.

– Нормально, – сухо ответила она, старательно отворачивая от него лицо.

– Адам, не часто ты радуешь меня своим появлением, сынок. Или тебе, наконец, надоело стоять у плиты? – Пэтти по-доброму рассмеялась, не выпуская Джо из медвежьих объятий.

Под пронзительным взглядом Адама Эллен становилось неловко и она мысленно поблагодарила Пэтти за то, что ей удалось его отвлечь. Бишоп сделал шаг назад, оставив Эллен узкую лазейку для побега.

– Нет, ты же знаешь, я люблю готовить. Решил зайти поздороваться.

Адам снова перевёл на неё взгляд, и Барр поняла – он шёл, чтобы увидеться именно с ней, и ни с кем больше.

Бишоп не мог увидеть её с улицы и не мог знать, где она. Следит он, присматривает или просто на территории не так много мест, в которых она могла бы оказаться – Эллен терялась в догадках и искала повод выйти из-под его настойчивой опеки как можно скорее. Наплевать на всё и поддаться чувствам, которые, казалось, были взаимны, означало предать память родных, предать брата, который мог нуждаться в помощи. Эллен не могла сейчас думать о себе, не могла тратить время, забивать голову посторонними мыслями, ставить свои желания выше цели.

Она увидела, как Шевроле Тахо выехал на дорогу к КПП, притормозив у распила. Эйдан опустил стекло, чтобы переговорить с рабочим.

– Извините меня, – Эллен почти бегом бросилась на улицу. Добравшись до КПП за считанные минуты, она стукнула ладонью по борту машины. – Вы в город?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.